КНИГА ПАМЯТИ

АГАЛАТОВСКОЕ СЕЛЬСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ
ВСЕВОЛОЖСКОГО МУНИЦИПАЛЬНОГО РАЙОНА
ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

КНИГА ПАМЯТИ

2011 г.

Мы благодарим за помощь в подготовке книги воспоминаний о Великой Отечественной войне молодых журналистов школьной газеты «Школьный КВартал» Т. Белявскую, О. Воробей, Э. Гарифулину, И. Герасименко, Е. Егорову, М. Лушникову, С. Марченко, Е. Никифорову, О.Сулягину, И. Печерскую, а также Т.К. Вахницкую.

Дорогие земляки!

Великая Отечественная война. Она навсегда останется в нашей памяти, в нашей истории как беспримерный великий подвиг нашего народа в одной из самых страшных и кровопролитных войн. Мы победили фашизм и спали мир! Чтобы не говорили сейчас новоиспеченные аналитики и истории, как бы они не старались переписать историю и занизить оценку тех далеких событий, подвиг нашего народа был и останется ВЕЛИКИМ.

В той священной войне мы заплатили за Победу самой дорогой ценой – миллионами жизней наших соотечественников, разрушенными городами и селами, ранами наших солдат, вернувшихся с фронта и скорбью матерей и жен, потерявших своих сыновей и мужем, сиротством миллионов детей, оставшихся без крова и семьи.

Это было огромное испытание для всей страны. Война прошлась по судьбе каждой семьи, каждого человека. Миллионы жизней были отданы на алтарь Победы. Наши воины-освободители совершили огромный подвиг - во имя Мира, ради светлого будущего своих детей и внуков.

Мы выстояли, мы выдержали! Мы подняли огромную страну из руин, разминировали поля и засеяли их хлебами, построили новые города и села. Это история нашего народа, это история каждой семьи. Мы чтим память тех, кто отдал свои жизни в боях, погиб в фашистских концлагерях, кто умер от тяжелых ран и склоняемся перед теми, кто дожил до сегодняшнего дня, поведал нам о тех далеких временах.

Мы, молодое поколение, должны знать правду и видеть ее такой, какой ее запомнили наши ветераны, какой она предстает в их рассказах. В этой книге памяти мы постарались собрать воспоминания наших земляков, тех, кто прошел всю войну на передовой, кто работал в тылу и ковал победу, превозмогая усталость, истощение, голод. Эти воспоминания – свидетельства нашей истории. Каждый ветеран и те, кому довелось начать свою службу только в последние год войны, рассказали о том, что видели сами, что пронесли в своем сердце, что пережили и прочувствовали. Для нас, молодых, эти воспоминания – живая история, память, которую надо успеть вписать в наши сердца, наполнить ею наши души, потому что без прошлого, без познания происшедшего, не может быть настоящего.

Искренне поздравлю Вас, уважаемые Ветераны с праздником Великой Победы! Дай Бог Вам здоровья, долголетия, тепла и внимания!

Уверен, наша главная задача - создать все условия для достойной и благополучной жизни каждого ветерана и труженика тыла!

Спасибо за Победу, дорогие ветераны.

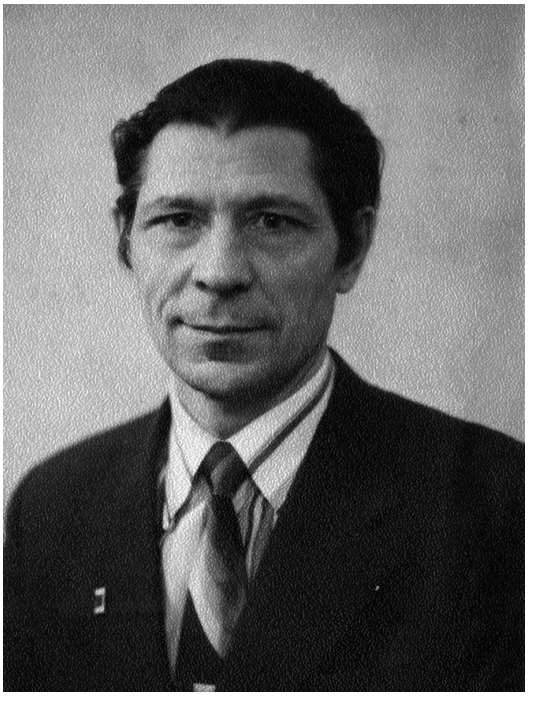
С уважением,
Глава МО «Агалатовское сельское поселение» В.В. Сидоренко

ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Баранов Алексей Иванович

Родился Алексей Иванович в нижегородской области, в деревне Фыровке, довольно отдаленном от центра районе. Деревня была оторвана большими расстояниями от большого огорода. Особенно трудно было зимой, когда были страшные заносы и добраться до деревни было вообще невозможно. Семья Барановых была большая, дружная. Отец был мастеровой человек, мог выполнять любые работы и занимался ремеслом, был хорошим кузнецом, все мог делать: подковать лошадь, сделать сани, телегу. Одним словом - на все руки мастер был. Он участвовал в революции, прошел всю гражданскую войну, был много раз ранен.

После ранений здоровье отца пошатнулось и он умер в возрасте 39 лет. На руках матери остались четверо детей: два сына и две дочки. Когда остались без кормильца, вот тут пришлось хлебнуть лиха сполна. Жить стало очень трудно, нехватка была во всем, голодали, помогать было некому. Многие родственники погибли в гражданской войне, кого-то голод погубил, болезни.



Пришлось восьмилетнему Алексею взять на себя часть работу по хозяйству. Закончил 4 класс, в пятый класс не было возможности ходить, школа была за 7 километров от дома, да и надо было матери помогать. В десять лет ему пришлось идти работать в колхоз, в поле с мужиками и стариками. Все детские годы прошли в колхозе, в работе.

Когда началась война Алек-

сея оставили работать, потому что мужчины, что работали в колхозе и жили в родной деревне, ушли на фронт. Самой работоспособной была молодежь и все тяготы работ легли на них. Они сеяли, убирали, работали от зари до зари, понимали, что надо кормить нашу армию, наш народ. Когда Алексею исполнилось 17 лет, его призвали в армию. Новобранцев погрузили в эшелон и повезли в гороховецкие лагеря. Там обучали мастерству военного дела и отправляли на передовую.

Обучение шло месяц, жили в землянках, учились стрелять, подниматься в атаку, совершать марш-броски. Было очень трудно. Терпели, старались не думать об этом и все ждали, когда же отправят на фронт. Но судьба распорядилась иначе. С Северного флота приехала комиссия, которая отбирала новобранцев для службы на флоте. И Алексей попал в Архангельск. Потом была учебная часть и распределение по специальностям, он стал артиллеристом. Шли ожесточенные бои за освобождение Заполярья, но наша победа уже была близкой и очевидной. И пока новички осваивали основы морской службы, над Рейхстагом взметнулось знамя Победы. Мы победили фашистов!

Но воинская служба продолжалась, сдали экзамены в учебной части и всех распределили по частям. Алексей попал в береговую охрану на Новой Земле. Служба была очень тяжелая. Закончилась Великая Отечественная война, но шла война с Японией. Сутками стояли на боевых постах, а зима там суровая, постоянные ветра.

После войны в море осталось большое количество мин, их надо было разминировать. Было много случаев подрыва наших моряков, смерть притаилась в морских глубинах, и война напоминала о себе.

Но бывали и другие случаи. При тушении пожара погибло несколько человек из части, однажды целое отделение (7 человек) погибли, сорвавшись со скалы. Бывали случаи, что люди заблудились и замерзли, а иногда и снегом придавливало людей. За два года службы многое пришлось повидать и пережить. Потом часть расформировали, а военнослужащих отправили в Мурманскую область, где в 1948 году сформировали батальон морской пехоты северного флота. Опять новая учебная часть, новые учебные занятия, особые тренировки, подготовка. Там Алексей прослужил еще пять лет в отдельном Печенском Краснознаменном батальоне морской пехоты северного флота.

После демобилизации были курсы механизаторов, попал на заготовку в лес. В 1950-х годах переехал в деревню Агалатово, работал в колхозе. В 1952 году женился.

Бахвалов Евгений Федорович

Рассказывает дочь Нина Евгеньевна

Мой отец, Бахвалов Евгений Федорович, родился в 1908 году в д. Вартемяги. Отец его, Бахвалов Федор Евгеньевич, так же уроженец деревни Вартемяги, а мать, Просковья Константиновна, родилась в Ярославской области. До начала Великой Отечественной войны Евгений Федорович был председателем колхоза. В июне 1942 года добровольцем ушел на фронт. Служил разведчиком на «Невском Пятачке» под Ленинградом, был ранен в руку. После войны работал в колхозе заведующим животноводческой фермой, которая была расположена в конце улицы Поляковой в деревни Вартемяги.

Он достойно воспитал девять детей! Старшая дочь Галина, 1934 года рождения, работала медсестрой. Вторая дочь Нина, 1936 года рождения, работала старшим инженером в Главленинградстрое. Третья - Ольга, 1938 года рождения, работала главным бухгалтером. Четвертый – сын Михаил, 1940 года рождения, работал трактористом в этом же совхозе, за трудовые заслуги был награжден орденами I и II степени.

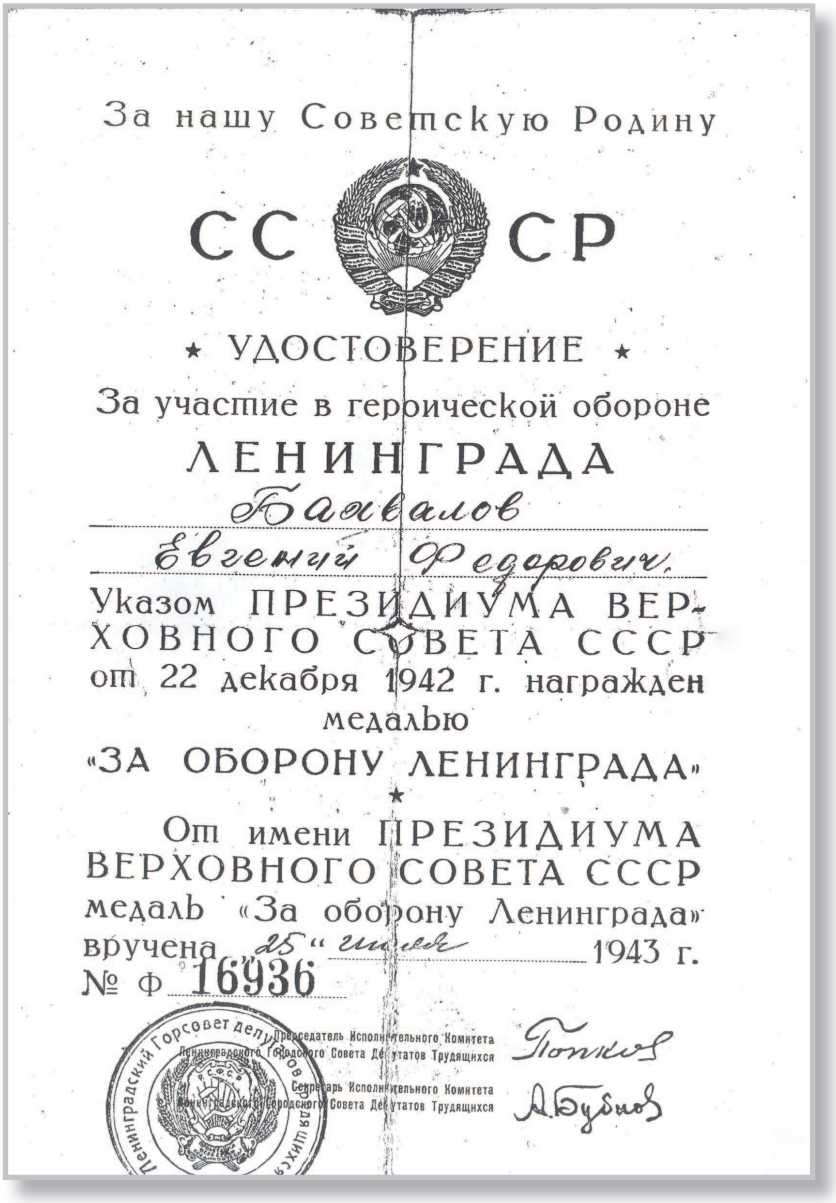
Пятая – дочь Валентина, 1942 года рождения, работала швеей. Все пятеро детей являются детьми блокады. Шестой – сын Алексей, 1946 года рождения, работал поваром.

Седьмая – дочь Евгения, 1947 года рождения, работала на заводе «Светлана», в отделе ОТК. Восьмой – сын Владимир, 1950 года рождения, работает водителем в фирме.

Девятый – сын Сергей,

1952 года рождения, работал в милиции, а затем сантехником. Все четыре сына достойно отслужили обязательную воинскую службу. Михаил – в Германии, Алексей - на Украине, Владимир - в Калининграде, Сергей – в Прибалтике, на границе.

Мой отец награжден медалями «За оборону Ленинграда», за «Отвагу», орденом Великой Отечественной войны. Умер Евгений Федорович в 1981 году, похоронен на Вартемягском кладбище.



За нашу Советскую Родину

СССР

★ УДОСТОВЕРЕНИЕ ★

За участие в героической обороне

ЛЕНИНГРАДА

Баканов

Евгений Федорович.

Указом ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР от 22 декабря 1942 г. награжден медалью

«ЗА ОБОРОНУ ЛЕНИНГРАДА»

★

От имени ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР медаль «За оборону Ленинграда» вручена 25 "июня 1943 г.

№ Ф 16936

Председатель Исполнительного Комитета Ленинградского Городского Совета Депутатов Трудящихся

Секретарь Исполнительного Комитета Ленинградского Городского Совета Депутатов Трудящихся

Ленинградский Горсовет депутатов трудящихся

★★★

Белоусов Михаил Григорьевич

Он помнил войну, мы помним его

Михаил Григорьевич родился 12 сентября 1923 года в селе Покровка Оренбургской области. В 1942 году был призван в армию, после прохождения подготовки, попал на фронт. Воевал в пехоте, пулеметчик-минометчик, помощник командира минометного взвода. Дважды был тяжело ранен, участвовал в Сталинградской битве, освобождал Харьков, Полтаву. После второго ранения и прохождения лечения в военном госпитале, был направлен в Новосибирское пограничное училище.

Офицер, участник парада Победы. Война оставила сильные воспоминания, открыла в нем поэтический талант.

Михаил Григорьевич оставил нам правдивые и очень откровенные стихи о военном лихолетье. В 2005 году Михаил Григорьевич умер 11 декабря 2005 года. Мы помним нашего земляка и чтим его память!

Бойцова (Моисеева) Анастасия Васильевна

(1926 года рождения)

Анастасия Васильевна вспоминает:

Отец мой, Моисеев Василий Иванович, был колхозником. Он отвел в колхоз коня вместе с упряжкой и бричку (коляска на двух колесах), когда в нашем селе создавали колхоз. В нашей семье отец, мама и старший брат постоянно работали в колхозе. Дед, Иван Гаврилович Моисеев, вместе со старшим братом Иваном взялись, по просьбе финнов, доставить молодняк скота в город на мясокомбинат. В деревне этот «бизнес» не остался незамеченным. В 1935 году, в начале года, после убийства С.М.Кирова, отец был вызван на заседание правления колхоза. Как сейчас помню, отец бежит бледный и говорит матери: «Нам дали 24 часа на сборы, всю семью высылают на 101 километр». В это время многих из Вартемяг выслали, многие пропали совсем. Дом в спешке продали, а диван, который несли соседям, у нас буквально из рук вырвали наши же односельчане. Так с узелками в руках через день мы оказались в длинном бараке под Малой Вишерой.

Выслана была и семья деда. Сам дед, Иван Гаврилович, вскоре заболел и умер.

Но мне удалось вместе с тетей Шурой Бахваловой вернуться в Вартемяги. В Осиновой Роще стоял шлагбаум и был строгий военный досмотр, но детей и подростков пропускали. Так я и попала домой. Жила у бабы Поли, дом которой стоял недалеко от школы. Училась в Вартемягской школе и помогала ей растить детей. Моим классным руководителем была

очень хорошая, добрая и красивая финская женщина. Звали ее, как и меня взрослой, Анастасия Васильевна. С ее сыном Мишей мы учились в одном классе и дружили, но перед войной их семью эвакуировали в Омскую область. От Миши приходили письма, но с началом войны связь оборвалась. Уже после войны их семья вернулась в Токсово, Миша приезжал в Вартемяги уже с семьей.

Отец написал письмо «Всесоюзному старосте» М.И.Калинину, но в ответе все действия по отношению к нашей семье признавались правильными. К счастью, нашей семье удалось вернуться в родные Вартемяги перед самой войной, благодаря заявлению-ходатайству председателя колхоза «Промёт» Рачкова Фёдора Васильевича. Он написал, что берет нашу семью под опеку и отцу с семьей вскоре разрешили вернуться в Вартемяги. Старый дом был продан, пришлось рядом построить новый. Железом его

уже не покрывали, т.к. первые раскулаченные были те, у кого крыша дома покрыта железом.

Отец мой, Моисеев Василий Иванович, родом из Вартемяг. Маму взял с двумя детьми. Старшая дочь Анна (1920-2007 гг.) во время войны была в осажденном Ленинграде, она солдат по обслуживанию аэростатов. После войны жила в городе, сейчас дочь Анны приезжает на дачу в Вартемяги. Старший брат Иван (1915-2005 гг.) прошёл финскую кампанию и Великую Отечественную войну шофёром, награжден медалью «За отвагу», жил в Вартемягах на Советской улице.

В 1941 году я закончила 7 классов и с началом войны мы все, девчонки-подростки, были мобилизованы и зимой работали на лесозаготовках. Вокруг Вартемяг спилили много леса, вот и мы вместе с женщинами и ста-

риками пилили деревья, очищали их от сучьев и листвы, складывали в штабеля. Местность же вокруг Вартемяг расчищалась, строились оборонительные укрепления: дзоты, блиндажи. Дома отапливались дровами, но за каждое самовольно спиленное дерево полагался штраф, поэтому только мелкие сучья-ветки шли на дрова. И можно вспомнить хорошие стихи:

Деревья тоже воевали
Как стяги, голову подняв.
Где нужно, гордо умирали,
С груди своей листву сорвав…
Земли родной тревоги, беды
По-настоящему поняв,
Они смотрели на свет белый,
Корнями Родину обняв.

Т. Гармата

Летом работали в колхозе в полеводстве: посадка, прополка, уборка овощей. На полях ведь росло все – от морковки до пшеницы и льна. Чуть позже мы стали работать на Касимовском аэродроме: строили стоянки для самолетов и капониры (глубокие земляные ниши для самолетов). Молодые летчики – любовь всех местных девушек – иногда разговаривали с нами, шутили. Во время одного из вылетов один из них даже помахал нам гитарой вслед. Бывали и бомбежки, и срочные вылеты. В соседнем лесу мы часто ждали возвращения самолетов и всегда считали, сколько их вернулось.

Все девчата постоянно просились на фронт, в действующую армию, но меня послали в Парголовскую районную больницу на трехмесячные курсы. Я стала работать медсестрой в Вартемякской больнице, потом поступила в медицинское училище, которое закончила заочно без отрыва от работы. В 1955 году я одна из первых прошла курсы рентген-лаборанта и перешла работать на только что открытое рентгенологическое отделение. Награждена медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Мой брат Николай (1923-1942 гг.) – первый ребенок моих родителей - в начале войны работал электросварщиком на заводе на улице Кирочной, рядом с заводом было и их училище. В последнем письме (1942 г.) он писал: «На войну нас не берут, получили «бронь», буду работать на заводе». Мама подкопила продуктов и пошла проведать Николая. Но никого из его бригады и самого Коли на заводе не было. Больше никаких известий о брате мы не получили. Только мама каждый вечер садилась к окошку и все ждала…своего Коленьку…

Сорок пятый – за Вислой идет сраженье,
Землю прусскую русские рвут бомбовозы.
А в России не гаснет свеча ожиданья…
Материнские слезы,
Материнские слезы!

Пятый снег закружился, завьюжил дорогу
Над костьми врага у российской березы.
Сын седой возвратился к родному порогу…
Материнские слезы,
Материнские слезы!

А. Недогонов

Младшая сестра Мария (1931 г.) тоже закончила медицинское училище, и мы с ней вместе работали в Вартемягской больнице. Сейчас она живет с семьей дочери Ларисы в Агалатово. В 1959 году я вышла замуж за Бойцова Евгения Николаевича.

Перед войной семья Жени жила в Гатчине. Отец был дорожный мастер, направлен в г. Тихвин, а Женю взял с собой в командировку. Началась война, отца сразу забрали в армию. Женя остался жить у тетки на чердаке. Кормился у эшелонов с прибывающими и убывающими на фронт солдатами, бродяжничал. Потом пошел в горком и попросил отправить его к маме. Но мама с детьми (еще четверо детей) уже были эвакуированы в Вологодскую область. Вспоминал голодные вечера, когда мама тихонько говорила: «Дети, молитесь богу и ложитесь спать». Из горкома Женю отправили в детский приемник г. Бокситогорска, а оттуда в детский дом. Детский дом он вспоминал очень уважительно: там все работали и дети, и взрослые вместе. Летом вставали в пять утра и, выпив стакан молока, отправлялись косить и сушить сено или на огород. Жители детдома полностью жили на самообеспечении, навещали раненых в госпиталях, ухаживали за ними, писали им письма. Так он прожил до мая 1945 года и, не получив никаких известий о семье, поехал по путевке в г. Сестрорецк, в ремесленное училище. Там же он и работал на инструментальном заводе им. Воскова.

До 1947 года были карточки, которые выдавались вперед только на три дня, потом стали выдавать зарплату, но ее не хватало, да и распределить ее еще не умели. Вот за несколько дней до получки во всем общежитии и подгребали все корочки и крошки, и молились, чтобы зарплату выдали вовремя. Подоходный налог – 20%, за бездетность тоже высчитывали, начиная с 18 лет, за общежитие плати, да еще месячный заработок тратился на займ восстановления. Так что «университеты жизни» прошел по полной программе.

В 1960 году у нас родился сын Саша, сейчас уже выросли внуки, Юрочка и Леночка. Живем все в одном доме с замечательной невесткой Ларисой. Юрий закончил Политехнический институт. Они вместе с женой, Любочкой учатся в аспирантуре. Жизнь идёт!

Вспоминает Абрамов Владимир Борисович

директор Вартемягской вечерней школы

Среди многочисленных знакомых автора этих строк была семья Вороновых. В войну они жили в Вартемягах. С Валерием Вороновым (1951 г. рождения) учился директор вечерней школы Абрамов В.Б.. Он помнит рассказ матери В.Воронова, тети Кати, и старшего брата Евгения Воронова, как вся их семья, чуть не оказалась «предателями» и «фашистскими шпионами». Женьке было в 1941 году 8 лет. Страшная голодная зима 1941-1942 гг. запала ему в душу. Надо было готовиться к новым испытаниям следующей зимой. Он с более старшими мальчишками отрыл в овраге землянку с несколькими выходами, стены обшили досками, сделали кладовые и спальные места. С полей и огородов осенью натаскали картошки, овощей, собрали и насушили грибов. Из домов и погребов своих и соседских натащили солений, наворовали продовольствия и с военных частей. Мальчишек, особенно маленьких, солдаты подкармливали, чем могли. Была даже тушенка и еще какие-то консервы. Яблоками набили целый сундук (какой не знаю, но говорил, что большой). Прекрасно обустроенное подземное жилье и запасы произвели на наших контрразведчиков шоковое впечатление, когда мальчишек поймали на воровстве и выбили признание, где находится их «база». «Смершевцы» даже посчитали, что ребята приготовили укрытие и продовольствие для немецкой или финской разведгруппы. Тетю Катю и Женьку вместе с другими мальчишками и их родственниками держали под арестом и допрашивали. Потом как-то все утряслось, убедились, что они не враги, а просто «запасливые». Мальчишки собрали и спрятали в своем «бункере» даже наган, винтовку и несколько гранат. Но все как один «предатели» говорили, что все собрано, чтобы воевать с фашистами, если они прорвутся в Вартемяги.

Вера Ивановна Гусева

(Вспоминает о годах войны)

Когда началась война, мне было 11 лет. Родители мои умерли до войны, и я жила с родной тётей Женей. Старшая сестра Екатерина ушла на фронт. Жили мы в Яблоновке, это в Ленинграде. В 1942 году была в блокадном городе. Было очень страшно. Вой сирен, бомбоубежища, постоянные налеты немецких авиации, холод, голод. Очень хотелось есть, а хлеб – блокадная норма – его очень было мало. Варили каши из муки, лебеды. Мы слышали о случаях людоедства. Жуткое было время, голод – это страшно! Я была сбитая, от рождения крепкая и даже во время блокады оставалась относительно в теле. Однажды за мной увязались двое мужчин. Догоняли, хотели убить, что бы съесть, на моё счастье они упали, гнались за мной. Доведенные до отчаянья люди теряли разум, превращались в голодных «зверей». Такое было время.

Весной 1942 года выехала вместе с тётей Женей через линию фронта. Было страшно. Бомбили сильно. Шофёр, его звали Иван Трусов, к концу пути стал седым. Приехали мы в Дранишники (улица Полевая, 10). Дядя Миша, муж тёти Жени, держал птицу, корову, коз. Но всё они отдавали на фронт. Нас было несколько детей. Мы были

ужасно истощены. Очень хотелось есть, но есть нам не давала тётя. Она плакала, жалела нас, но кормить нас нужно было понемножку, иначе бы мы могли умереть от заворота кишечника. Хоть мы и были детьми, забывались иногда в игре, а мысли все равно были о еде.

Набралась сил и стала работала дояркой, помогала взрослым. Здесь было гораздо легче, чем в блокадном Ленинграде. Победу встретила здесь, в Дранишниках. Газет не было и новость была для нас неожиданная, но такая радостная! Ликование и радость неописуемые! Был огромный салют, люди плакали от радости.

Давыдова Лидия Михайловна

Родилась Лидия Михайловна в 1924 году в деревне Ям Ивановской области. Жили бедно, особого достатка не было, время было тяжелое и неспокойное. Особенно врезалось в детскую память раскулачивание: в крестьянских семьях отбирали все, что было ценного, скотину, утварь, а детей и взрослых сажали на подводы и увозили неизвестно куда.

Отец умер когда Лидии было 10 лет. Мама работала дояркой и девочка с 12 лет помогала ей на ферме и в поле: пололи, вязали снопы. Когда началась Великая Отечественная война, ей исполнилось 17 лет. До 1942 года Лидия работала вместе со всеми в колхозе, потому что всех мужчин призвали в армию, а женщины и девушки должны были работать за них, нужно было обеспечивать армию продовольствием. В 1943 году ей пришла повестка из военкомата и Лидию призвали в армию. Сначала отправили в учебную часть, где девушек, учили обращаться с оружием, оказывать первую помощь раненым, совершать марш-броски в полном обмундировании. Они все думали, что вот-вот и их отправят на фронт, хотелось бить фашистов, сражаться за свою землю. Но Лидия попала служить в Подмосковье, в часть, которая осуществляла охрану военного завода. Это был стратегически важный объект, так как там производили различные виды снарядов для действующей армии. Охрана осуществлялась круглосуточно, была строгая пропускная система, во время дежурства приходилось даже применять оружие. Здесь был свой фронт, такие объекты были интересны диверсантам, военные заводы были на особом учете. Служба хоть и была ни на передовой, но тоже были суровой, напряженной.

Победу Лидия встретила, находясь на боевом дежурстве – радости не было предела! Мы победили! Наша страна разбила врага! Хотелось быстрее домой, к мирной жизни, учится, работать, жить! Но демобилизовалась она из армии только в ноябре 1945 года. Вернулась домой в деревню и зажила мирной жизнью, а в 1946 году вышла замуж. Муж был старше на семь лет, фронтовик. Страна поднималась после тяжелой войны, строили и восстанавливали заводы, другие предприятия, дома, поднимали разрушенное сельское хозяйство.

Послевоенная жизнь начиналась тяжело, своего угла у молодой семьи не было, в 1947 году родилась дочка. В этом же году начали вербовать людей на работу в другие города. Так они с мужем оказались в Ленинградской области, в деревне Вартемяги. Работали в колхозе, жили сначала в бараке на три семьи, а потом стали строить дом в деревне Колясово. Сроили долго, все делали своими руками. Вот в этом доме Лидия Михайловна живет до сих пор. В 1964 году она ушла из колхоза и стала работать в Вартемягской больнице, сначала кочегаром, а потом закончила курсы и 10 лет проработала там дезинфектором. За свою работу получила звание «Ударник коммунистического труда»

Здесь, в деревне Вартемяги у них с мужем родилась еще одна дочка и сын. Дети выросли и теперь в большой семье Давыдовых трое внуков, трое правнуков. Дети не забывают отчий дом, приезжают часто, помогают.

Журова Анна Ивановна

Родилась в Касимово, 15 декабря 1916 года. Во время Великой Отечественной войны работала в архиве. Здесь родилась, здесь прожила, училась в Вартемягской школе. Приходилось работать на строительстве оборонных сооружений в блокадном Ленинграде и на аэродроме в Касимово. Награждена медалью «За оборону Ленинграда».

Караваева Таисия Петровна

(воспоминания)

Я родилась в 24 году. Время трудное, мама часто болела и мне пришлось проучиться всего до 6 класса, а потом пойти работать. В годы войны мне тогда было 18 лет, мы жили недалеко от Невского рубежа. Потом была связной в партизанах, передавала сведения, в разведку ходила, на посту стояла, я была бойцом в отряде. Все наше население помогало партизанам и Красной Армии. Но однажды в наш дом нагрянули немцы, нас закрыли в сарае, обложили сеном, часовых поставили. Они кричали, что у нас в доме партизанский штаб, что мы все партизаны и нас расстреляют. Но, слава Богу, обошлось.

После войны работала, как и все. Война многое разрушила, взорваны мосты, железнодорожные пути, дома, уничтожены поля. Все надо было восстанавливать, вся страна поднялась, чтобы быстрее выйти из разрухи. Трудно было, конечно, но мы все жили верой, что больше никогда не будет войны, ведь мы вынесли такое страшное испытание!

Потом вышла замуж и с мужем я прожила 50 лет, он умер. У нас прекрасная дочь, помогает мне, заботиться. Трудно вспоминать о войне, много было горя, боли, смертей. Слава Богу, что все это в прошлом.

Клычков Станислав Николаевич

Родился я в 1923 году в Нижегородской области, раньше назывался Нижегородский край. Учился в средней школе г. Горький. Моя мать родилась в 1902 году в селе Поя, рядом с городом Лукоянов, расположенным в очень интересном и красивом месте, она родилась в семье «середняков», училась в сельской школе, была отличницей. И вся деревня выбрала ее как отличницу за деньги учить в гимназии в г. Арзамас. Послали ее туда учиться что бы она вернулась в школу учителем.

Отец родился в городе Лукоянов это районный центр, город. Он из семьи зажиточных крестьян, мастеров. Дед был пильщик, ходили на заработки в город. Он окончил специальные курсы и стал инженером по строительству. Специальность – строитель (1917г), тогда их называли комиссарами, он был комиссаром по устройству города Лукоянов. В 1928 году отца переводят в г. Горький. Через некоторое время я пошел в школу 1-ой ступени. А рядом была 10-летка.

В 1941 году мы, мальчики, начали готовиться к призыву в армию. В школе проводились занятия по военной подготовке, они были на высоком уровне. Мы изучали противогаз, винтовку и танковый пулемет. Получали значки «Готов к труду и обороне!», готовились к противовоздушной обороне. В июне выпускной бал, в школе танцы.

22 июня 1941 года у нас были назначены городские соревнования по велокроссу. Я не сразу поверил, что началась война, когда мне об этом сказали. На площади нашего города собралось много людей, все слушали выступление Молотова. Война началась и все мы оторопели. У военкомата очередь собралась, все веселые, гармошка играет, думали война скоро закончится. Приезжаю домой, а столе лежит повестка и проездной документ. У меня только ночь. Мы вечером собрались, потанцевали, впервые я шампанское выпил. Друзья меня проводили до дома, а утром я в 6 часов я пошел на вокзал, сел в поезд и на следующий день прибыл в Москву.

В Москве кругом суматоха, военкоматы всех строят, отправляют. В Москве нас сразу обмундировали и сразу начались занятия. Начали со строевой. Учили штыковому бою. Мы усилено занимались по 10 часов. У нас создали батальон аэродромного обслуживания, которые говорили аэродромы

передовых частей. Сколько нас бомбили, когда я учился в училище! Мы в классах сидели в касках с противогазами с оружием. Все мы, молодые ребята, рвались в бой, нам хотелось бить фашистов и скорее закончить войну.

Меня наградили медалью «За оборону Москвы», я там курсантом был. 26 октября нас сменили сибирские дивизии, по тревоге подняли и пешком направили в Горький. Мы шли пешком 80 километров в сутки, измотались. Шли пять суток, кое-как пришли, разместились. А у меня же дома мать! Я к командиру роты обратился, попросил разрешение съездить домой, маму проведать. Мне разрешили, но чтобы не попался патрулю! Повесил себе красную повязку, встал на трамвайное полотно, винтовку на плечо, иду, как будто я патруль. Стучу в окно, оно открывается, а там - незнакомая девушка. Оказывается, к нам уже поселили эвакуированных из Москвы. Вся коммуналка сбежалась на меня посмотреть.

Все собрались в нашу комнату и все на меня смотрят. Пока проговорили, надо возвращаться в часть и только я благополучно вернулся, как немцы на мосты налетают, обстреливают, бомбят. Наша баржа, на которой нас расквартировали, начала тонуть. Но удалось заткнуть пробоины, удержались.

В мае месяце 1942 годы были выпускные экзамены в нашем практически фронтовом военном училище. Я получаю звание лейтенанта и назначение на должность начальник минно-саперной службы в батальоне аэродромного обслуживания. Думали, что нас направят на фронт, но вместо фронта 30 человек направляют в Ташкент. Там был центр по формированию частей на фронт и выпускали транспортные самолеты. Потом нас направили в Новосибирск. Я попал в инженерный аэродромный батальон, там сформировались, сделали недалеко от Новосибирска учебные аэродромы, готовили командиров звеньев и оттуда они попадали на Второй Украинский фронт, на границу с Румынией, Ясско-кишиневская группировка. А потом прошли почти всю Румынию и наша часть попала на формирование отдельной авиационной группы Ветрука, на помощь югославской армии. Югославы – молодцы, воевали хорошо. У них уже сформировалась армия и в помощь ей были организованы дивизии, и я воевал до конца в ее составе. Получилось так, что участвовал в освобождении столицы Югославии, города Белгорода. Участвовал в боевых действиях с партизанами, форсировали Дунай. Меня наградили орденом «Красной Звезды» за освобождение, но награда до сих пор до меня не дошла. Награждение произошло, как это часто бывало на войне, сначала ордена вручали, а потом оформляли. Меня наградил знаменитый командующий, а ордена у адъютанта не оказалось. Не беспокойся, говорит, пришлем. Да так и затерялась награда где-то. За боевые заслуги меня наградили 28 наградами и 3 орденами Красной Звезды. Пришлось и на востоке попасть на войну.

А когда узнал о Победе, были непонятные, непривычные чувства, тишина, от которой за годы войны отвыкли. Женился в 1947 году, началась семейная жизнь, радости и трудности службы. Сложное время выпало на наши молодые годы, но мы прошли, то суровое испытание с честью. Наше поколение опалила война, но мы выстояли, нанесли все и не разучились радоваться, верить и быть счастливыми!

Семья Кожевниковых

(рассказывает А.П. Петрачук (Кожевникова)

Блокада – больная и очень тяжелая тема не только для тех, кто пережил ее, прошел через весь этот ужас, голод, потерю близких и родных людей, но и для тех, кто знает об этом от своих близких.

Мои родители, Кожевников Павел Иванович (1912-1974 гг.), уроженец Петербурга, моя мать Кожевникова (Колотаева) Мария Федоровна (1918-1998 гг.), уроженка д. Вартемяки, и мой брат Кожевников Евгений Павлович (1939 г.) как раз и пережили это время и рассказали мне о нем.

Когда началась война, папу призвали на фронт. Он был санинструктором, старшиной медицинской службы. В 1942 году во время боя под Гатчиной при оказании помощи раненому, он был тяжело ранен. Ему оторвало ноги, а тело изрешетило пулями. Даже после войны у него в мышцах рук сидели пули. Мама с детьми оставалась в Вартемягах, работали в сельпо, пока эту организацию не закрыли. Дочка маленькая умерла, а брат остался жив. Он тоже находился на грани жизни и смерти. В то время многие дети умирали от диспепсии, то же самое было и с ним. Врач, который наблюдал его, сказал как-то маме прямо: «Оставь, ты, его в покое, не таскай ко мне, все равно умрет!». Но видно, желание жить было таким сильным у ребенка, что он справился и выжил. Мама вспоминала, что она получила как-то паек в виде куска селедки. Ребенок видел, как мама взяла этот хвостик. В глазах его она прочитала желание, если бы были силенки, отнял бы его. Тогда мама и решила: «Пусть пососет. Вдруг это пойдет ему на пользу». Он так жадно сосал эту рыбу, что даже уснул с этим кусочком в руке, не давая вынуть. Утром, проснувшись, попросил пить. И с этого момента все пошло на поправку. Врач не верила, что такое могло случиться. Видимо, селедка в данный момент была как антибиотик и остановила диспепсию.

Папа после ранения попал в Ленинградский госпиталь на Суворовском проспекте. Ныне это 442 ОВКГ (Окружной военно-клинический госпиталь). С транспортом в то время было уже трудно, и мама ходила к нему в госпиталь из Вартемяк пешком. Ночевала у родственников на Моховой улице. Она всю свою жизнь вспоминала то жуткое время: «Иду, бывало, по городу, а люди ослабленные, опухшие от голода, едва-едва переставляют ноги. Кто-то несет котелочек, кто-то бидончик воды с Невы. Ведрами не носили – сил не было, часто падали от бессилия. Поначалу все помогали

друг другу, а уж потом сил на помощь не было. Воровство, конечно, было, всякий народ встречался, но все равно не были такими равнодушными, как сейчас».

Блокада научила есть то, до чего бы в мирное время ни один человек не додумался. Из сыромятных ремней варили густой кисель, эти ремни были в то время модны среди девушек. Хлеб пекли из картофельных очисток с добавлением перетертого белого мха, добавляли и еще что-то. Летом было проще: лебеда, крапива, какие-то ягоды.

Мама, чтобы прокормить семью, выменяла все хорошие вещи на хлеб. Надо было помочь отцу и сохранить детей. В госпитале, где лежал папа, было сыро, холодно. Многие раненые, в том числе и папа, заболевали туберкулезом. Мама вспоминала, что у раненых (особенно тяжелораненых) было много вшей. Они ползали по подушкам целыми «караванами». Конечно же, медработники делали все от них зависящее, чтобы извести гадость, но голод и холод только способствовали их размножению.

Иногда в момент посещений мамой отца случались воздушные тревоги. Все раненые, которые могли передвигаться, спускались в бомбоубежище. А такие калеки, как безногий папа, лежали и ждали смерти. Мама никогда не оставляла папу одного, всегда оставалась рядом. «Погибать, так вместе», - говорила она.

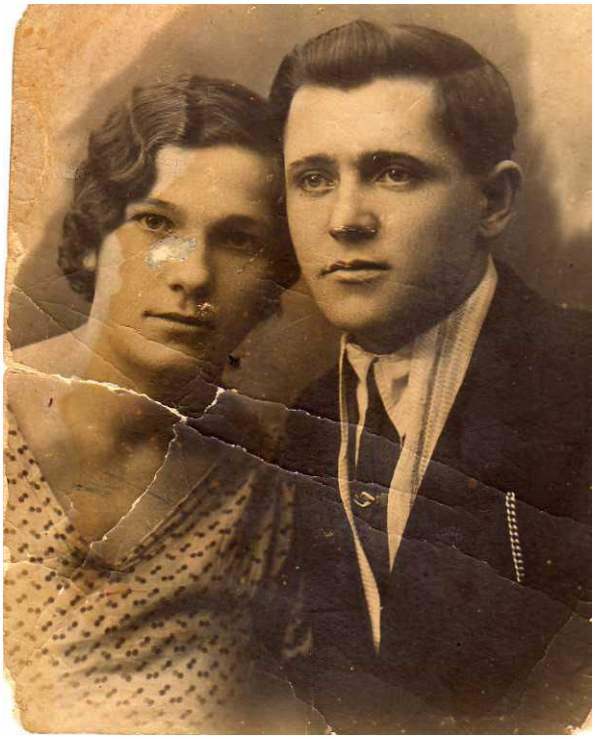
Наконец, папу выписали. Всей семье предложили эвакуироваться. Ехали на машине по Ладоге. Шедшая впереди машина провалилась под лед и утонула, а их машина каким-то чудом спаслась. Эвакуировались в Вологодскую область, в Уломский район. Теперь это Череповецкий район. Папа был признан инвалидом 2 группы и до 1948 года ежегодно проходил переосвидетельствование. Тогда с этим было строго, хотя всем было понятно, что ноги не вырастут. Такие были времена. Отца наградили орденом «Отечественной войны 2 степени» – это была высокая награда. Несмотря на тяжелое увечье, он начал работать в какой-то организации помощником бухгалтера. Так до конца жизни он бухгалтером и проработал.

В конце войны, когда сняли блокаду, родители вернулись в Вартемяки, работали в местной больнице и колхозе «Красная Заря». В 50-е годы это был большой колхоз, здесь работало почти все население деревни.

Из старых блокадников никого уже не осталось, остались лишь их дети, теперь уже тоже пожилые и больные люди. Блокада с детства подорвала их здоровье.

Очень жаль, что в свое время мы не записывали эти тяжелые воспоминания, надеясь на свою короткую память. Сколько интересного они могли бы рассказать будущим поколениям. Возможно, не было бы сейчас столько равнодушных и бессердечных людей. Может быть, молодые люди задумывались бы, прежде чем бросить кусок хлеба в помойное ведро.

Александра Павловна Петрочук (Кожевникова) рассказывала о том, как просто и мудро поступали вартемяжцы с обилием в деревне Рачковых, Моисеевых, Терентьевых, Колотаевых. Они просто придумывали для каждого свои (другие) фамилии-псевдонимы, короткие, но емкие. Теперь все уже знали, кто есть кто. К примеру, Терентьевы были для всей деревни «Ширшинины» или «Ахряпкины» или «Пысины».



Моисеевы стали «Лексины» и «Полидины». Одни Колотаевы стали «Трубкины», другие – «Кеньгины». Шараповы становились вдруг «Трубкины» тоже.

Семьи Ларионовых были и в Вартемягах и в Касимово. Касимовские остались Ларионовыми, в вартемякские получили прозвище «Ципленковы».

Тимофеевы иногда становились «Макаровыми», «Угаровыми» или «Богомазовыми» так как их дед в свое время писал иконы.

Фамилии нередко менялись и по именам или отчествам родителей: появлялись «Клавдины», так как мать – Клава, «Гаврилины» – отец Гаврила, «Исаковы» - отчество отца Исаакович.

Братьев Федоровых звали, Александра – «Цыган», а Сергея – «Сулико»- за единственную любимую им песню.

Существовали и интересные мужские и женские прозвища. Были женщины «Сковородка», была и «Кастрюлькина бабка». Мария «Фиговская» - буфетчица в пивной – получила прозвище от мужчин по качеству пива.

Мужики имели «говорящие» прозвища: кто-то из Бахваловых - «Батрак», из Колотаевых – «Свежий»; из Рачковых – «Митрич» и «Сто волков», «Фиговский» так как маленького роста; из Моисеевых – «Грошик» и «Кривые штаны». Уже невозможно идентифицировать человека по кличке «Спекулянт», «Дескать», «Горыныч», «Сова».

Пргозвища давались и по роду деятельности: «Чеботари» - шили обувь, «Бондариха» - жена бондаря, «Кузнец» - сын кузнеца. Никто не обижался на народную мудрость. Да это и помогало сразу понять, о ком идет речь. В Вартемягах не только жители одинаковых фамилий получали дополнительные фамилии-псевдонимы. Но были и определенно красивейшие местечки со своими неповторимыми названиями.

Удивительное по красоте и живописности место называется «Третий обрыв». Это любимое место отдыха молодежи. Здесь занимаются туристы во главе с Андреем Михайловичем Василенко, очень любят его и выпускники школ. Но это название означает, что вы должны найти на Охте «первый» и «второй» обрывы.

Река Охта – одна из самых интересных рек на территории области.

Сейчас даже в самую жаркую погоду не возникает желания окунуться в реку, так неприглядан ее вид. Говорят, что если опустить в Охту руку, то будет ожог. Когда-то вода в реке была чистой и прозрачной, и ее пили жители прибрежных деревень Лаврики, Мурино, Ручьи, Гражданка, Вартемяки. В старину в реке добывали диковинный жемчуг, а о количестве раков рассказывал Филатов Б.Ф.

Кстати, по-фински Охта называется Оха – йоки, что в переводе означает «закат», «запад». Другие краеведы считают, что название реки произошло от финского слова, которое в переводе означает «Медвежья речка».

Есть в Вартемягах и горы (на самом деле – холмы). До сих пор существует «Керина гора», она расположена на Барыбинской, за домами улицы Полевой (примерно за домом Носовых). Название «Золотая гора» носят поля хозяйства Вартемяги, расположенные на нескольких возвышенностях – «горках», прямо напротив церкви через Токсовское шоссе. По словам Рачкова В.Ф., на эти поля еще граф Шувалов вывез верхний плодородный слой земель из поймы наполненного позже пруда с плотиной на р. Охта. Что ни сажали колхозники, а позже работники хозяйства «Вартемяки» на этой горе: картофель, овощи или овес – урожай всегда был в несколько раз выше, чем на других полях. Учителя вспоминают, что даже при вторичной подборке картофеля, картошкой поле было усыпано. Урожай действительно был золотой! Да и дорога с лесополосой – преграда северным холодным ветрам.

«Гаврилина гора» расположена недалеко от котеджного поселка, а на ней хутором жила семья Гаврилы, которые были и сторожевым постом и полностью себя обеспечивали всем необходимым. Семья большая, да еще на отдельной от деревни горке, но все-таки к деревне Вартемяки относилась. И все знали, где эта «Гаврилина гора».

В сторону деревни Сарженка, на окраине Вартемяк, была еще одна «гора» - «Кутырихина гора». Жила там одинокая бедная-пребедная вдова Кутыриха, но крепкая и работящая женщина. Она собирала у женщин Вартемяк кружевные изделия – воротники, подзоры, салфетки и носила их на рынок в Левашово для продажи. «Бизнес» был успешным и взаимовыгодным. Лишнюю копейку получали вартемякские женщины, как-то существовала и сама «Кутыриха».

Внутри деревни, раньше она не была так густо заселена, были свои «хутора».

«Куликов хутор», например. «У Бондарихи», и всем было ясно, что делало это семейство для жителей деревни – бочки. Говорили «у Марьюшки с дочерьми» - вот и название улицы и места в деревне.

Мы, семья Петровских, приехали в Вартемяги в 1968 году. Жили в домах для крестьян постройки графа Шувалова. Адрес наш начинался так: д. Вартемяки, МТС. Мы, жители, называли это место «мастерские» или «гараж». В этих нескольких домах действительно в те годы находился весь парк машин хозяйства «Вартемяки». Здесь же были и ремонтные мастерские. А старое название - МТС (машинно-тракторная станция) - так и закрепилось за этой частью деревни.

Вспоминает Иван Иванович Краско,

наш земляк, уроженец д. Вартемяги

(кинофильм «Дети блокады», показан 30. 01. 2010 г. по «100 ТВ»)
Родился 23 сентября 1930 года, народный артист России, актер Драматического театра им. В.Ф. Комиссаржевской.

Опустела деревня, выгнали всех финнов, ведь Финляндия воевала с СССР. Полки магазинов опустели. Вартемяги всего в 10 километрах от Парголово, а если по линеечке от Невского проспекта, то всего 40 километров.

Брат Василий ушел в «сыновья полка», что стоял на Сарженке, но вначале командир приходил к бабе Поле за разрешением от нее.

Однажды в дом к бабе Поле приквартировали красноармейца по фамилии Шуляк. Привезли бумагу, краски. Он расчертил портрет и бумагу на клеточки, стал рисовать портрет Сталина. Получилось неплохо, но когда посмотрел командир, то ему показалось, что товарищ Сталин выглядит более худощавым, чем на первом портрете. А красноармеец Шуляк не растерялся и ответил: «Похудел товарищ Сталин, ведь война, товарищ командир». Но через несколько дней пропал солдат Шуляк. Кто-то из военных негромко сказал: «Расстреляли за измену Родине красноармейца Шуляка…».

Летом 1942 года в деревне появился парень, звали его Гогочка, а иногда Жоржик. Был он худющим, кожа да кости, да и сам он о себе гордо говорил: «Я – дистрофик».

К весне кончилась картошка, но появилась лебеда, крапива, которую мы, ребятишки, собирали к столу, да и задания по дому от бабы Поли были постоянными: что починить, где убрать, прополоть, травы собрать. После всех дел по дому мы с ребятами бежали на «Керину гору» и на вершине разжигали костер. Потом в него бросали найденные патроны, гранаты. Однажды, помню, как рванет! Один из ребят, выплевывая кровавые осколки, попавшие в рот через щеку, кричал: «Ой, ядрена вошь!».

В один из осенних вечеров к дому бабы Поли на дерево прилетел дятел и стал стучать, да так громко. Она нахмурилась и сказала: «Вань, ты дятла не трожь!». А позже, 10 ноября пришло извещение: «Ваш внук и брат Владимир погиб героически защищая Сталинград». Баба Поля тогда сказала: «Не плачь, Ваня, раньше надо было плакать, когда дятел прилетал».

Но вот весна 45 года. По всей деревне из громкоговорителей голос Левитана, а мы перебираем, кто жив остался. Только и ждали ребята, кто придет, кто вернется..?

Лисакова Крестиния Никифоровна

Крестиния Никифоровна родилась 22 июня 1918 года. С детства у нее была тяжелая жизнь, в 8 лет осталась без отца, а в семье было трое детей. Поэтому с самого раннего возраста стремилась устроиться в жизни самостоятельно, чтобы себе обеспечить будущее.

Папин брат взял Крестинию жить в свою семью, и с 8 лет она жила в Ленинграде на Петроградской стороне в коммуналке. Хорошие воспоминания остались о соседях, добрых и отзывчивых людях.

Потом семья дяди перебралась в деревню Матокса. Там, как рассказывает Крестиния Никифоровна, было легче. Там она почувствовала воздух свободы. Потом с 19 лет пошла работать на канифольный завод. Варили оружейное масло, работа в этом цеху была тяжелая и вредная. Здесь же стала бригадиром.

Когда началась война, Крестиния сразу пошла работать на лесопильный завод в Лемболово. Завод этот был от Ленинградского Военного округа.

Самыми страшными были годы блокады. Надо было вывозить лес, а машины встали, потому что не было бензина. Пришлось рабочим самим строить узкоколейку. Потом девушек -работниц отправили на завод пилить и сушить чурочки. Работа также была тяжелая: пилили ручными пилами, мозоли на руках не проходили, болели все мышцы. Чурочки эти были нужны для работы газогенераторных машин.

Затем Крестинию с другими девушками перевели в четвертую роту. Там они работали прачками, стирали белье. Наши войска продвинулись вперед, было много раненых, так как немцы постоянно бомбили и шли ожесточенные бои за Ленинград. Санитарки не успевали стирать белье, не хватало перевязочного материала, и сначала в пруду смывали кровь, а потом отдавали в прачечную.

Самое страшное, как рассказывает Крестиния Никифоровна - это был голод. Не дай Бог узнать это молодым!

Листова Валентина Александровна

Валентина Александровна родилась 05 января 1928 года.

Труженик тыла.

Награждена медалью «За оборону Ленинграда» (вручили медаль в 2005 г., приказ о награждении был от 1942 г.). «За доблестный труд в 100-летие дня рождения В.И. Ленина»

Живет в д. Вартемяги. В 1942 закончила школу. В октябре-ноябре отправлена в ЛесПромХоз под Выборг на заготовку леса для отопления Ленинграда и для строительства самолетов. В 1944 вернулась обратно в Вартемяги. После войны так же работала на лесозаготовке.

В 50-х годах перешла на работу в объединение «ЛУЧ» в Ленинграде. Вначале работала там обажурщицей, затем штамповщицей, а после мастером цеха. С этой должности ушла на пенсию.

Максимова Анастасия Федоровна –

жительница блокадного Ленинграда

(вспоминает Анастасия Федоровна)

Я родилась в Касимово 30 октября 1931 года. Семья была крепкой, отец Максимов Федор Дмитриевич (погиб в войну в 1942 году), работал в колхозе. Об отце помню только то, что он часто ездил на лошадях в город, однако, что там делал, не знаю. Мать моя, Максимова Антонина Ивановна, уроженка Псковской области деревни Заборовка, приехала в домработницы в Ленинград. Потом устроилась работать уборщицей в школе, она и жила там же. Школа располагалась на Моховой улице. Как произошла встреча отца с матерью, не знаю, но в 1931 году они поженились, тут и я родилась. Отец не пускал мать работать, она ухаживала за детьми, вела дом. Работы хватало и по хозяйству – корова, другая живность, огород, бесконечные хлопоты, как и положено в деревне. Отец был ревнивым, даже на колодец не пускал ее. Любил, значит, сильно.

Нас было четверо детей. Сохранилась фотография нашей семьи, нет только на ней отца. Он уже был на фронте. Отец держал всех в строгости, приучил к порядку. Когда играли у дома и видим, что отец едет или идет с работы, мы бегом мчались в дом. Но у нас в доме и у дома всегда собиралось много ребят. Отец сделал большие сани, катайся с горы – не хочу. Выезд же на дорогу с нашей улицы всегда посыпал песком или золой, чтобы не проехали случайно на проезжую часть. Но всегда вовремя мы были в доме – не разгуляешься сверх разрешенного.

До 1939 года, до Финской войны, жили простой мирной жизнью. Началась она внезапно, в декабре, мы как раз зарезали поросенка и жарили кровь. Вдруг началось стрельба, на горизонте вспыхнуло зарево. Граница находилась относительно недалеко, и мы услышали самые первые залпы пушек перед переходом в наступление наших войск. Отца взяли солдатом на войну. До фронта было недалеко. Через деревню постоянно шли войска. Морозы стояли страшные. Воинские части часто стояли просто в лесу вокруг деревни. Все бойцы и командиры страшно мерзли. Но в дом мы не могли их пускать. У нас располагалась санчасть, принимали раненых, перевязывали. Врач постоянно жил в комнате побольше, здесь же и принимал раненых. Мы – на кухне, и в маленькой комнате обитали.

Однажды мы пустили солдат переночевать, нельзя же было, так как раненые придут, чистота должна быть. Но как не пустишь замерзающих? Мы же умрем-замерзнем на пороге, говорили они. Пустили. Затопили даже печку – разогрели не только консервы в банках, но даже и буханки хлеба, замерзшие как камень. Завалились они в тепле на полу вповалку. «Ходи, мать, прямо по нам»,- сказали, и заснули мертвецки, настолько были замерзшими и измученными.

От отца приходили письма и открытки. Особенно запомнились красотой, цветные, много золотистого цвета. Необычно для нас. На картинки

смотрели как на произведение искусства.

Война шла всего три месяца. Отец вернулся живым.

Началась Отечественная война. Мне было 9 лет. Я ходила в нашу Строиловскую школу, наверное, в 1 и 2 класс

До сих пор помню самую первую учительницу Антонина Алексеевна (сидит). Вторая учительница (стоит) Анна Антоновна. Фото 1940 (21. ноября) года чудом сохранилось. Оно донесло до нас красоту первых учителей. Одухотворенные лица, излучавшие свет Все они были спокойными, никогда не ругали учеников.

Учителя Касимовской (Строиловской) школы.
На обороте карточки полустертая надпись «Вы, милы подруги жизни, как хорошо сидеть у вас».
Ваш друг Петр 21.11.1940 год.

Отец опять ушел на фронт. Для меня начало войны как - то было спокойным. Рядом с нами стояла летная часть, столовая. Бабушка работала посудомойкой, помощником повара. Нам окрестным детям через день – два военные организовали выдачу похлебки, пайка… нас здорово это поддерживало, выжили. Помню в какую-то столовую, но не летную, мы ходили туда с котелками.

В землянках жили военные девчонки, на нарах в три этажа располагались. Для меня они запомнились своей красотой, высоким ростом, видной фигурой. Я там один раз оказалась на елке на новый год. Угощали меня, песни пели и танцевали. Был настоящий праздник.

В нашей школе поселили летчиков с нашего же аэродрома. В школу какое-то время ходили в Агалатово, сейчас называется это место Соцгородок. Маленький деревянный был домик. Но учились с большими перерывами: то бомбежки и обстрел, то дров нет, топить нечем.

За нашим домом был КП, у нас на квартире жил капитан с аэродрома, дядя Ваня, Иван Васильевич Козлов, инженер полка, продолжал действовать и медпункт. У нас же жила и врач-женщина, Елизавета Игнатьева (капитан медслужбы). И капитан - инженер и врач – женщина очень помогли нашей семье. Один платил за садик за самого младшего брата Николая, а за среднего Анатолия платила врач Елизавета. Украинка она была, хорошо пела – заслушаешься. Сочинила даже песню. Помню ее и сейчас:

ПЕСНЯ

На Украине весною
Вишни в саду расцветут.
Может быть, встречусь с тобою
В нашем семейном роду,

Может быть, выйдет родная
Детей долгожданных встречать
Совсем уж старушка седая
Наша любимая мать.

Выйдет и батька вслед за старушкой
С крупной слезой на лице.
Будет и Люба с родимым сынишкой
Ждать на родимом крыльце.

Когда отец ушел в 41 году на фронт, в проекте находился наш младший братик Николай.

Он родился 9 февраля 1942 года. Прямо в доме акушерка приняла роды.

Отцу потом выслали фотографию с нами всеми пятерыми. И он писал, что в кармане гимнастерки у сердца теперь находится все самое дорогое – вся моя семья.

Ты ушел, нас четверо осталось.
Были мы одни поменьше одного.
А под сердцем матери дышало
Пятое твое тепло.
Родился он в голодный и холодный
42 блокадный год,
Все пережил: обстрелы, бомбы,
Но не закончился твой род
Годы идут, мы все отцы и матери.
Под Ленинградом где-то твой остался след.
Лишь над кроватью вместе с нашей мамой
Висит твой милый и родной портрет.
Ты жизнь отдал, другим давая счастье,
Чтоб грохот бомб, нет не будил внучат.
По всей земле в день солнечный, ненастье
Ваши бессмертные сердца горят.

Отец сложил голову в бою или в разведке в 1942 году. Один товарищ говорил, что в разведке или на мине подорвался, или погиб в бою. Кажется в районе…..

В нашей деревне в тот год родилось трое. Мой брат, потом родили детей Можаркина Федосья и Макеева Ирина. Но выжил только мой брат. Макееву Ирину звали Аришка. Она тоже вдова, никто почти ей не помогал. Ходила на работу в гортоп с матерью моей.

Аришкина дорога – так звали тропку, у которой стоял ее дом. При ее жизни еще названа улица в Касимово – 14 километр «Аришкина дорога». Топографы ведут съемку местности, а меня чисто случайно спросили, как названа улица, я и ответила, что давно уже называем Аришкиной дорогой.

Наш дом – после войны строился недалеко от Аришкиной дороги. Там был противотанковый ров, остатки которого сохранились и сейчас.

Семья Максимовых в 1942 году. Максимова Антонина Ивановна с сыном Николаем на руках. Слева дочь Александра, справа дочь Анастасия. Стоит справа сын Владимир, слева Анатолий. Там же соседка-подруга Ларионова Надежда.

В войну нас спасла и корова. Корову давали на 2 семьи: нам и Макеевой Ирине (Аришке). Когда шли обстрелы и бомбежки, мать уводила корову в щель, специальное укрытие. А мы дети бежали прятаться в КП, где прятались и наши жильцы капитан - инженер и Лиза - врач. Корова была ценнейшим достоянием – спасительницей двух семей.

Обстрелы и бомбежки не щадили никого, страдали и женщины. Бабушка рассказывала, что в столовую попал снаряд, осколком разрезало живот официантке Нине. Она собрала все внутренности и пошла пешком до санчасти. Дошла, но там умерла. Нина из Ленинграда с Боровой улицы.

Жили у нас и окопщики в доме, видимо после ухода у нас санчасти. Умер у нас один дядя Митя. Его надо было вывезти, нельзя же с детьми его держать. Мать пошла в колхоз за лошадью. А Татьяне Максимовой, соседка, пришла к нам в дом и поволокла его за шиворот на улицу. Потом его погрузили на сани, по дороге подложили еще одного умершего, валявшегося на дороге, В Вартемягской больнице покойников не брали,

не только морг, а и все помещения были переполнены умершими. Тогда мать сказала: «Берите, у него много денег накоплено и спрятано в одежде». У нее трупы и забрали. Мать не могла взять деньги . Дядя Митя у нас ведь кошку зарубил и сварил, а деньги копил. Нашли мы нашей кошки головку после схода снега.

А.Ф.Осирпова: мы медсестры никогда не брали даже копейки или золотого кольца у умерших. Пусть все пропадает. С меня требовали родственники кулон с умершей в мою смену, а когда главврач прижал их, то они признались, что сами сняли, а меня хотели обвинить. Во всех нас был уверен главврач.

У нас и кино показывали, просто на доме. На заднюю стенку вешали белое полотно и приходили на сеанс все жители деревни.

У нас военная парикмахерша иногда брала молоко. Мне удавалось к ней заходить на работу. Ее работа с людьми, с ножницами и машинкой мне очень понравилась. Иногда я начинала стричь кого-то, а она заканчивала. Она меня отговаривала: «Смотри, сколько во всех карманах волос. Ведь все в легкие попадает». Но я стала парикмахером.

Посвящается матери

На пороге у нового года
Зимней стужей, мороз в декабре,
Появилась на свет ты, родная,
Чтобы жить и творить на земле.
Но судьба не из легких досталась:
Холод, голод, война и война.
А для деток тепла оставалось,
Спать голодной ложилась сама.
Мы теперь твою старость согреем.
Пусть за окнами злится пурга.
Беспокойные думы развеем,
И опять к нам вернется весна.
Ты прости нас, любимая мама,
Что не чутки к тебе иногда.
Ты пойми, ничего нам не надо,
Только б вечно ты с нами была.
На пороге у нового года
Зимней стужей, мороз в декабре,
Появилась на свет ты родная
Чтобы жизнь продолжать на земле

Закончилась война. Вся семья осталась жива.

1953 год.
А.Ф. Максимова на берегу залитого водой противотанкового рва Касимово, 14 км.

Анастасия Федоровна Максимова, Приозерское шоссе, д. 84
Живу у сына Аришкина дорога, д. 5.
Сын Олег Юрьевич Доваджан.
Внучка Соболева Татьяна 8-921-358-78-58. Она и записала рассказ. Ученица вечерней школы

Моисеев Александр Александрович

Александр Александрович родился 12 сентября 1924 года в Ленинграде. В его семье было 8 человек. В 1935 году отца объявили «врагом народа» и семья была сослана в Казахстан. Именно отсюда он ушел на фронт. Ему было 17 лет. Александр Александрович попал на Калининский фронт, участвовал в разведывательных операциях. Много воспоминаний связаны с последними днями войны, взятием укрепленных городов.

Получив на фронте два тяжелых ранения, А.А. Моисеев провел много месяцев в госпитале. И закончил войну в восточной Пруссии двадцати однолетним лейтенантом.

32 года Александр Александрович проработал на севере шахтером. Он имеет боевые и трудовые ордена и медали: два ордена отечественной войны I степени, орден красной звезды, медаль за взятие Кенигсберга.

Сейчас ему 86 лет и он принимает самое активное участие в жизни поселения: делится воспоминаниями, обсуждает то страшное время с молодежью. Он создал список односельчан, невинно обвиненных «врагами народа» и погибших в годы сталинских репрессий.

Моисеева Антонина Николаевна

УЧАСТНИК ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
РЯДОВАЯ

Родилась 1 ноября 1925 года в д. Черемуха Россановского района Полоцкой области. Мать умерла, когда мне было полтора года. Семья была большая и работящая, жили зажиточно. Мои старшие 2 брата и сестра вместе с отцом вели хозяйство. Были свои лошади, большой сад и пасека. Работников не нанимали, справлялись сами. Мать, похоже, была не из простых крестьян. Смутно помню ее фотографию со старшим братом. На матери было шикарное, не крестьянское, платье с кружевным воротником.

В 1930 (примерно) году отца арестовали как кулака. Отправили не в лагерь, а на поселение и принудительные работы. Он где-то на Дальнем Востоке мыл золото. Через некоторое время к нему отправилась и новая жена – наша мачеха. Я с младшим братом осталась у тетки (сестры матери). У нее было своих 5 детей, а кроме нас она еще приютила и ребенка сестры мужа. В самый голод 1932-1933 годов мы, большая семья, не знали, как прокормиться. Но дядя со старшим сыном уехали на заработки в Сибирь. Обосновались они в Западно-Сибирском крае, Чулымском районе, поселке Бочино. Там было менее голодно. Когда они устроились в колхоз, им даже выделили дом (видимо тоже выселенного кулака), дали корову. Вскоре к ним переехали и мы.

В семь лет я пошла в школу. До нее надо было пешком идти 5 километров. Иногда удавалось проехать на подводе. Меня сразу взяли во второй класс, потому что я многому научилась, когда смотрела как занимаются мои старшие сестры и братья, сама вместе с ними научилась читать и считать. В семье голода особенного не было. Выручали огород, лес и корова. Но вот с одеждой была серьезная проблема. Новой, считай, не было. Донашивали все старое, что можно было донашивать после старших. Зимой за валенки шла настоящая «война». В школу ходили через день, так как обуви в семье не было. А нас было шестеро детей. Вот и получалось, что сегодня идут трое, а завтра тоже трое, только другие. Как только пригревало солнце и появлялись проталины, все бегали босиком. Деревня наша была глухая. Машин не было. За трактором бегали толпой – это была диковинка. Как-то увидели городских жителей в белых брюках. Страшно удивились – люди ходят в подштанниках.

Потом умерла тетя и отец прислал денег на наш с братом переезд к нему в Хабаровск. Денег он прислал и на билеты и на то, чтобы отправить с нами взрослого сопровождающего. Дядя повез нас в Чулым, чтобы посадить на поезд. Когда узнал, сколько денег надо на сопровождающего, то поскупился и отправил нас одних и не к отцу, а в Ленинград к братьям и сестре. Нам 9 -10 лет, ничего не видели и всего боялись. В вагоне ехали с летней практики студенты-ленинградцы. Они были одеты по-городскому, нам казались они бандитами – слишком модные. Я замкнулась, а брат с ними подружился. Они нам потом помогли сориентироваться в Ленинграде и добраться до родных. Мы на Московском вокзале вышли из поезда. В городской толчее чувствовали себя как в лесу. По улицам шли. не обращая внимания на машины, пока свистки милиционеров и их внушение не привели нас в чувство.

Нашли свою родню. Они жили в тяжелых условиях. Сестра снимала угол в кухне в районе Рыбацкого. Брат пошел учиться. Мне пришлось 2 года занятий пропустить. Зарабатывала на жизнь нянькой в 9 лет. Пока 2 работницы фабрики «Рабочий» уходили на смену, я сидела с их детьми. Вскоре все мои братья и сестра собрали все самое ценное – велосипеды, швейную машинку – и продали. С трудом набрали деньги на стройматериалы для строительства собственного дома. В Новосаратовке удалось своими силами построить засыпной дом. Вся родня переехала в собственные «хоромы». Рядом с домом была школа, и я начала ее посещать, правда, вела еще и домашнее хозяйство. Закончила 7 классов – это был тогда выпускной класс. А через несколько дней началась война.

В сентябре она буквально подошла к нашему дому. Рядом с нами на Неве стояли боевые корабли Балтийского флота, которые вели огонь по фашистам. Немецкая артиллерия пыталась их уничтожить. Снаряды падали и Неву и на улицы и дома нашего поселка. Сидели как-то на кухне и дети и взрослые. Сестра как будто что-то почувствовала, и закрыла на крючок дверь в комнату. Рядом с домом разорвался немецкий снаряд. Его осколки изрешетили стену нашего дома, прошли через комнату и застряли в кухонной двери. Смерть буквально несколько сантиметров не дошла до нашей семьи.

Переехали в Ленинград на проспект Обуховской обороны. Там меня устроили на работу в домоуправление счетоводом. Зять уговорил домоуправа (тогда управхоза) взять меня. Буквально за ночь меня научили считать на счетах. На работу надо было идти в чем-то. А у меня одежды никакой. Тогда на день вперед отварили хлебные карточки, хлеб поменяли на пальто и фетровые боты. Счетоводческой работы не было. Кто тогда платил за квартиру! Но работники домоуправления в блокаду работали. Мы обходили квартиры, собирали оставшихся без родителей детей. Собирали в определенные места и ослабевших взрослых, выносили трупы. Трупы складывали в склад какого-то большого завода неподалеку. Сама видела, как по улице шел человек, потом присаживался или тихо опускался на снег уже мертвым.

Мне удалось устроится на Невскую фабрику – кухню в овощной цех. Иногда доставалась какая-то еда. Это помогло продержаться. Потом нас

отправили на заготовки овощей в совхоз. Я попала в свою родную Новосаратовку. За убиравшими овощи наблюдал строгий директор совхоза. Он давал возможность нам поесть на поле морковки или еще чего-нибудь, но выносить не давал. Как только он за всеми успевал следить. Обыскивали нас. А он еще с укоризной говорил: «Пять морковок и так съела, зачем еще спрятала?».

В Новосаратовке у меня были старые знакомые. Вместе с ними я ходила по прорытым везде траншеям и ходам сообщения воровать капусту. Один раз мне удалось даже отправить несколько кочанов моим родственникам. В другой раз все отобрали.

По мобилизации отправили меня добывать торф. Это была очень тяжелая и грязная работа. На работу приходилось идти очень далеко за Финляндский мост. Шли, еле передвигая ноги. Часто подвергались бомбежке. Немцы, издеваясь, разбрасывали листовки: «Ленинградские дамочки! Не ройте ваши ямочки. Попадете дамочки сами в эти ямочки». Приходилось выполнять работы по разбору домов для отопления квартир. Задание нам давали, а инструментов никаких. Как начать – не знаешь. Попадались взрослые женщины посильнее и поопытнее, да редкие мужики, которые что-то предпринимали, а потом растаскивали деревянные части домов и мы, слабосильные.

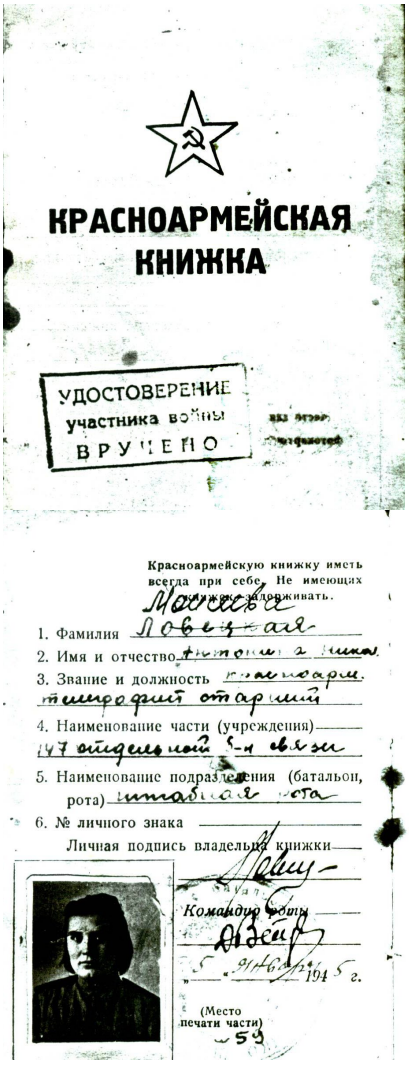
Дрова шли в буржуйки – небольшие печки, трубы от них выводились в окна. Топишь ее – раскаляется и дает тепло. Перестал топить – мигом остывает. Печки топили всем, что горело: мебель, паркет, книги. За водой ходили на Неву, благо она была рядом. Гораздо труднее приходилось жителям центра.

Вместе с другими жителями нашего дома лазила на крышу спасать дом от зажигательных бомб. Страшно было ночью, когда шел налет, по небу метались лучи прожекторов, вспыхивали разрывы снарядов, к самолетам тянулись трассы зенитных пулеметов. На крышу сыпались осколки наших зенитных снарядов. Дрожишь, спрятавшись за трубой, но не уходишь. Однажды мы с подругой сбросили зажигалку с крыши на тротуар. Может быть тем самым спасли дом от пожара.

Запомнилось, как вкусна была соль, вымоченная в тряпочке и поджаренная на золе в буржуйке. Она становилась желтоватой, этой солью посыпали кусочек хлеба и пили чай. Соль давала привкус яичного желтка.

В ноябре 11 числа 1942 года я пошла добровольцем в Красную Армию. Попала в 147 отдельный батальон связи Командир части, куда меня направили, очень удивился пополнению: живого веса во мне было всего 45 килограмм, и страшно ослабленная. Без долгих размышлений меня направили в санчасть. Начальник медслужбы, Сергей Максимович, тоже «тепло» встретил меня: «Вы что, смеетесь надо мной. У меня же не детский сад». Но приказ есть приказ, и я начала службу. Освоилась достаточно быстро. Делала все, что поручали. Потом стала помогать в аптеке – разбирала лекарства и все остальное, вела отчетность. Тут пригодились и образование и знакомство с делопроизводством.

Месяца через три меня стали направлять в штаб посыльным. Приходилось ночью бегать с поручениями по различным подразделениям.



КРАСНОАРМЕЙСКАЯ КНИЖКА

УДОСТОВЕРЕНИЕ участника войны ВРУЧЕНО

Красноармейскую книжку иметь всегда при себе. Не имеющих книжек задерживать.

1. Фамилия Моисеева Ловецкая
2. Имя и отчество Антонина Никол.
3. Звание и должность красноарм. телеграфист старший
4. Наименование части (учреждения) 147 отдельной б-н связи
5. Наименование подразделения (батальон, рота) штабная рота
6. № личного знака
Личная подпись владельца книжки
Командир роты
„5" 9/II 1945 г.
(Место печати части)

I. Общие сведения

1. Номер военно-учетной специальности 123
2. Грамотность и общее образование (если окончил техникум, рабфак или ВУЗ, то указать его название) 7 класс 6
3. Национальность русская
4. Год рождения 1925
5. Год призыва (указать также — нормальный или досрочный призыв) Добровольцу
6. Каким военкоматом призван дарский РВК
7. Специальность до призыва учащаяся

Красноармейская книжка рядовой Моисеевой А.Н.

Какой-то штабной капитан проверил однажды мою грамотность. Через несколько дней начальник санчасти приходит и обиженно спрашивает: не просила ли я перевода. Потом сообщает, что пришел приказ о моем переводе в штаб. Я растерялась и даже плакала. Но ничего изменить было нельзя.

В штабной роте 147 отдельного батальона связи я с другими такими же солдатами-девчонками прошла обучение на телефониста и телеграфиста. Служила потом на должности старшего телеграфиста. В середине 1943 года меня переводят во взвод подвижных средств связи на пункт сбора донесений нашего укрепленного района. Наш УР прикрывал Ленинград с севера, с Карельского перешейка. Штаб располагался в районе Черной Речки. Командиром взвода у нас был Лобанов, а командиром роты – Веприк. Главной задачей нашего подразделения был сбор донесений, обработка их, прием шифровок и передача приказов по различным частям. Жили в землянке, работали и днем и ночью. Приказы рассылались и секретные и совершенно секретные. Ответственность была большой.

1944 год Карельский перешеек с боевыми подругами.

Во время Карельской наступательной операции по разгрому Финляндии нас, связисток, прикомандировали к наступающим частям. Под Петкеярви мы вместе с частью бойцов кабелемонтажной роты раскатывали тяжелые катушки с кабелем, закапывали его в землю, чтобы потом держать связь с наступавшими войсками. Проходили захваченные финские дома. Наши девчонки зашли в баню, а она оказалась заминированной. Они погибли. Командиры запрещали нам в дома заходить, но все равно осма-

тривали их. Удивлял порядок и целесообразность устройства. В домах были следы быстрого бегства: оставленные корзины с упакованными вещами. Стенные раздвижные шкафы были заполнены посудой, продуктами, одеждой. В ходе наступления мы находились фактически на передовой, обстрелы и бомбежки стали привычным явлением Уставали и выматывались страшно. Но хуже всего приходилось нашим пехотинцам. Я видела целую часть после марша на привале. Солдаты вповалку спали на снегу. Их постоянно, минут через 10, переворачивали с боку на бок часовые. Так предотвращали переохлаждение и простуду. Мы вначале даже испугались, что столько людей убито, но опытные солдаты объяснили нам, что к чему.

Ветераны Великой Отечественной войны Моисеева А.Н. и Панфилова В.П. на встрече с учениками 10 класса 27 января 2008 г.

Бывали и курьезные случаи. По какому-то делу я ехала с каким-то капитаном на машине. Закончился бензин, капитан вылил из бутылок бензин в бак, и мы доехали последние несколько сот метров до части. Там выяснилось, что залили в бак горючую смесь, не взорвались только потому, что карбюратор был охлажден.

Летом 1945 года я демобилизовалась. Сразу устроилась на работу в жилконтору, откуда ушла в армию. Почти год ходила во всем военном. Одеться не было возможности. Сразу же пошла в ШРМ – школу рабочей молодежи. Понимала, что необходимо закончить 10 классов.

В 1946 году вышла замуж. Муж был тоже фронтовик. Отслужил в общей сложности 10 лет. Уже после войны он обеспечивал связь саперам, которые вели разминирование в районе Мги. После свадьбы собрали все возможные деньги и купили мне гражданское пальто на барахолке у Обводного канала. В 1947 году у меня родилась первая дочь. Я же в это время закончила 9 классов

Муж демобилизовался в 1946 году. В 1950 году переехали в Вартемяги. До 1998 года работала бухгалтером и старшим бухгалтером школы, сельского Совета.

Вырастила троих дочерей. Сейчас у меня уже 2 внука, 4 внучки и 1 правнучка.

Морозова Анна Федоровна

Воспоминания участницы Великой Отечественной войны

Анна Федоровна родилась 2 февраля 1920 года в деревне Пятино Бокситогорского района Ленинградской области. До 1930 года ее отец, Бабуков Федор Никитич, работал председателем Череповецкого губисполкома. Умер при обстоятельствах, о которых в те годы боялись даже говорить. Мать считала, что его расстреляли. Она с тремя дочерьми осталась жить в деревне. После смерти кормильца семья очень нуждалась, старших девочек отдали в няньки. В те годы это было возможностью выжить и прокормиться.

Война застала Анну в пос. Ефимовском, бывшем районном центре (ныне Бокситогорский район). Там она работала на кухне в военном госпитале (см. фото). Иногда тяжелораненые отказывались от пищи, тогда она собирала еду и шла к поездам, идущим на восток из блокадного Ленинграда, чтобы отдать детям кашу и хлеб. При виде пищи ребятишки плакали, они тянули тоненькие ручонки. Аня едва сдерживала слезы, глядя на голодных детей. Какая сила заставляла ее, молоденькую девушку, идти к этим поездам из блокадного города? Ведь могла бы обменять хлеб на фильдекосовые, модные тогда чулочки или даже на золотое колечко.Но разве есть такая мера на свете, которой можно измерить сострадание, разве можно было оставаться равнодушной, зная, что всего в каких-то 100 км. от Ефимовского, люди голодают, умирают мучительной смертью, а враг железными клещами сковал Ленинград. Она вообще все всегда принимала близко к сердцу. Когда однажды на станции разбомбило эшелон и некоторые люди снимали с убитых офицеров хромовые сапоги, девушка возмутилась, начала кричать, плакать, просить не делать этого…

Когда враг стал подступать к Тихвину (в 70 км от Ефимовского), госпиталь эвакуировали и Аня сама попросилась на фронт.

Всю войну сражалась на передовой и дошла до Берлина. Работала на полевой кухне, затем, окончив срочные курсы, стала пулеметчицей. Сначала подносила снаряды, тяжелые ящики, а потом освоила пулемет. «На фронте мы не голодали, правда, однажды попали в засаду и три дня оставались без пищи, но и тогда нам давали соленые кусочки селедки, мы их сосали, а воду пили прямо из болота» - вспоминает Анна Федоровна.

Женщина на войне – это особая тема, это особая судьба и трудности, которых бывает гораздо больше, чем у мужчин. У Анны была красивая коса, а как за таким длинным волосом ухаживать в полевых условиях и девушка решила ее обрезать. Что тут началось! Старшина роты буквально умолял ее не подстригаться и даже отдавал свой кусок хозяйственного мыла, лишь бы она сохранила эту красоту!

Освободили нашу Родину и для наших советских солдат война продолжилась в Европе. В Польше Аня была контужена, лежала в госпитале, все беспокоилась и просила врачей побыстрее ее выписать, спешила на фронт. А когда вновь вернулась в свою часть, выполняла вместе с разведчиками особые задания. Ей приходилось вместе с ними работать на вражеской территории, изучать обстановку, собирать важные разведданные.

В Германии деревенскую девушку поразили цветущие яблони вдоль дорог, не могла понять, кто же с них собирает яблоки. В Берлине наблюдала такую картину: немцы, сидя на корточках, что-то варили в консервной банке. К ним подскочил наш солдат и ногой расшвырял содержимое. Аня стала его урезонивать, но он был страшно зол: «Они в Белоруссии уничтожили всю мою семью, сожгли все наши дома, они не заслужили пощады». Когда он отошел, Аня вытащила из своего вещмешка продукты и отдала их плачущим сгорбленным людям. Война глубокими ранами осталась в сердцах людей, но ведь не все немцы воевали, ни все были фашистами. Там, в Германии, тоже жили простые люди, которым тоже пришлось не сладко.

Победу праздновали в каком-то маленьком немецком городке, плакали, смеялись от счастья, подбрасывали друг друга в воздух. Думали, что сразу же наступит мир, покой, а вскоре произошло несколько провокаций. В Германии еще оставались те, кто не мог смириться с нашей победой и мстил русским солдатам, стрелял им в спину.

Домой Анна приехала только в августе 1945 года. Первыми отправляли на Родину тех, кто старше, кто давно воевал. Молодежь задержали с отправкой, но никто не возражал, хотя всем хотелось быстрее вернуться в родной дом. Однажды, когда отправили очередной эшелон, в котором ехали наши солдаты, под рельсы подложили взрывчатку и поезд взорвали. А ведь девушка могла ехать этим составом, ей предлагали, да она от-

казалась, сказала, что поедет позже, молодых ведь задержали в Германии. Судьба опять сберегла ее.

Из трофеев она привезла себе с войны туфельки на каблучке, крепдешиновое платье, которое потом перешила своей дочери и маникюрные ножницы, которые до последних дней хранились в доме, пока не погибло все это в 2008 году во время пожара. Хотелось быть красивой и сменить шинели на платьица, сапоги на туфельки. За годы войны она даже забыла как носить эти вещи, но молодость берет свое и девушке хотелось поскорее забыть все ужасы войны, сменить форму на мирную, гражданскую одежду.

В 27 лет Анна вышла замуж за моряка, который покорил ее сердце своей решительностью, мужественностью. Потом пошли дети, послевоенная жизнь была трудной, страна поднималась из руин. Но главное – не было бомбежек, обстрелов, смерти, голода. Радость была в доме, а трудности преодолевали вместе, не жаловались на судьбу. Всем было трудно, но верили, что вскоре все наладится. Взяли ссуд и построили дом в Ефимовском. Так и жили, растили детей, работали. Взрослые дети, как выросшие птенцы, стремятся улететь из родного гнезда, жить своей жизнью. Остались Анна Федоровна и ее муж в Ефимовском, дети выросли и уехали.

В 1998 году Анна Федоровна овдовела. После смерти мужа дочь Надежда Молева перевезла маму в Агалатово. И все было бы ладно, да вот беда одна не приходит. В 2004 году дочь и зять погибли в автокатастрофе, а в 2008 году сгорел их дом. Трудно найти слова, чтобы выразить горе, которое вдруг, как война, ворвалось в жизнь Анны Федоровны, отняло самых близких и дорогих ей людей. Она нашла в себе силы пережить все, может быть, именно война сделала ее сильной, душу выносливой. Не оставили в беде Анну Федоровну родные и соседи, откликнулись на ее горе, помогли чем могли.

Перед женщинами, смело шагнувшими в огонь и пламя войны, прошедших через горести и тяготы, разделивших военную судьбу своей Родины и своего народа мы всегда будем в неоплатном долгу!

Никитин Иван Михайлович

Рассказ Галины Евгеньевны, 1934 г.р. о своем дяде

Родился Никитин Иван Михайлович в 1913 году в Костромской области, работал бухгалтером в своем колхозе. По анонимке его осудили и он отбывал наказание – стоил Волгобалтский канал. После отбывания срока приехал в д. Вартемяги, женился на Бахваловой Анне Федоровне. Работал в дорожном отделе. По слабому зрению и здоровью не был призван на фронт. Жители д. Вартемяги организовали свой партизанский отряд. После войны в 1967 года был избран народным депутатом. Он и его жена помогали в воспитании племянников, как материально, так и духовно.

Наш Земляк, Иван Краско с большой любовью вспоминает свою бабушку Пелагею. Ее ласку, доброту и сердечность не только к своим внукам, но и к своим землякам – ее до сих пор помнят в д. Вартемяги.

Умер Иван Михайлович в 1985 году, похоронен на Вартемягском кладбище.

Николаева Екатерина Степановна

ВЕТЕРАН ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Я родилась 23 июня 1927 года в Псковской области Порховском районе деревне Дедково. Отец и мать простые сельские труженики. Мать вообще была неграмотная. Отец -самостоятельный, работящий русский мужик, защитник Отечества - он воевал в Первую мировую войну. Семья была истинно крестьянская многодетная - 12 детей. Перед войной нас было 5 братьев и 3 сестры.

Александр Степанович - 1910 года рождения
Владимир Степанович - 1913 года рождения
Петр Степанович - 1916 года рождения
Николай Степанович - 1918 года рождения
Иван Степанович - 1922 года рождения.

Сестры Нина - 1925 года рождения, младшая сестра Антонина - 1929 года рождения. Я родилась в 1927 году.

Перед Финской войной мы все проживали в г. Крестцы Новгородской области. Отец и братья постоянно были на заработках на различных лесозаготовительных пунктах.

Четыре старших брата в 1939 году ушли на Финскую войну. С войны, слава богу, вернулись живыми все братья. Николай был танкистом, остался на сверхсрочную и до 1941 года служил в воинской части под Дибунами. О нем пришло известие, что воевал и погиб под Ленинградом. Похоронили его в деревне Яблоневка, теперь ее уже нет. Брат Александр тоже был танкистом, прошел Финскую, потом жил в Петродворце, видимо, тоже был сверхсрочником. Танкистом воевал и в Отечественную, на Ленинградском фронте, но как, когда и где погиб неизвестно. Брат Иван был призван в армию, уже когда немцы подходили к нашим домам. Неразбериха стояла страшная, транспорта нет, железная дорога разбита. Он призывался Тосненским военкоматом, ушел пешком, учился на сержанта в Вологде. Направили его под Москву, там и погиб он, неизвестно как. Петр и Владимир погибли так же неизвестно где и как.

22 июня 1941 года нас застало в г. Радофиниково в 96 км. от Ленин-

града. Там на очередном лесозаготовительном пункте работали мужчины нашей семьи. Недалеко от нашего дома на железнодорожной ветке был загнан какой-то состав. Немецкие самолеты его начали бомбить. В поселке в домах задрожали стекла, колыхнулась земля. Дорогу немцы сразу разбили, известий о происходящем не было, все были в какой-то растерянности.

Теперь уже все 5 братьев пошли защищать родину.

Немцы появились в наших местах ранней осенью. Перед их приходом отступающие войска и партизаны захватили все продовольствие на складах и в магазинах. Есть стало нечего. Своего же хозяйства мы не имели. Отец был за много километров в лесу на охране партизанского склада, помочь нам ничем не мог. До декабря ходили по окрестным деревням и выменивали одежду на продовольствие, что удастся достать, то и волочем домой. Чаще всего это была картошка Приходилось на полотенцах по одному - два ведра картошки за раз на себе тащить многие километры тащить.

Когда ходили по деревням, насмотрелись ужасов. Немцы перед деревнями вешали партизан и их тела висели на деревьях долго, снимать запрещалось. Хотели страх нагнать. Нам действительно было жутко входить в такие деревни. Партизаном могли назвать мальчишку за найденный у него пустой патрон. Мне тоже приходилось носить в лес еду. И носила, не думала, что если нарвусь на немцев или полицаев, то расстреляют или повесят как «партизанку».

Как-то в деревню к нам зашли окруженцы. Помню молодого политрука, который заявил, что немцам в плен живым не сдастся. А тут они и появились, прямо в деревне вспыхнул бой. Видела как немцы волокут на плащ-накидке своего раненого. Запомнились его крепкие кованные с пятки и носка ботинки. А политрук был или убит или сам застрелился. Его тело лежало на площади - совсем молодой.

В декабре 1941 года решили отправиться с матерью в деревню, в родное Дедково. Жить в Радофиниково стало совсем невмоготу. Шли две недели. Эти триста километров показались тысячью. На саночках в сундуке везли племянницу - всего год и два месяца. Были вечно голодные, замерзшие. Кое-где добрые люди выручали: дадут то картошки, то хлеба. Дадим малышке, чтобы не плакала от постоянного голода. Она очень ослабла, даже потом долго не могла ходить. Тяжелый наш путь проходил через Оредеж, Уторгош, Порхов. Добрались до дома. Дом цел, но в нем хоть шаром покати - есть нечего. Помогла родня отца и матери, кое-как продержались до весны.

Летом 1942 года умирает отец. Он видимо что-то себе повредил, пока мы две недели добирались до дома, а может быть, сильно простудился. Болел долго, а лечения не было же никакого.

Деревня наша находилась в партизанском крае. Днем хозяйничали немцы, ночью -партизаны. Мне кажется, что они каждую ночь у нас отогревались, забирали еду или одежду. Никому отказать было нельзя. Между двух огней жили. Отовсюду могла прийти смерть. Шли как-то группой в соседнюю деревню на праздник, а там партизаны. У кладбища на окраине видим: немцы идут в деревню. Заметили бы нас - смерть - тоже партизаны.

Брат Николай с женой. Довоенный снимок. Погиб в боях за Ленинград.

Партизаны заметили бы нас одновременно с немцами входящими в деревню - смерть - мы навели карателей.

От немцев старались убегать в лес, чтобы не угнали на работы в Германию. Убегали один раз, но пришлось залечь в канавке в поле - до леса было далеко. Немцы через нас стреляют по лесу. Пули так и «вжикают» над головами. Потом они цепью прямо к нам подошли, навели оружие, разглядывают. С нами были еще и старики, да мы - фактически дети. Нас не приняли за партизан, жестами и автоматами прогнали обратно в деревню. Вообще-то немцы леса не любили и боялись его. Да и в деревни ночью не совались. Район был партизанским, кажется отряда Германа (Справка: Герман Александр Викторович (1915 - 1943 гг.). В мае 1942 - сентябре 1943 гг. командир 3 Ленинградской партизанской бригады, с сентября 1943 года - имени Германа. Погиб в бою, Герой Советского Союза. В деревне Житницы Псковской области на месте его гибели поставлен обелиск).

Однажды на окраине нашей деревни вспыхнул бой (видимо в феврале 1943 года). Мы бросились смотреть, что случилось, когда выстрелы стихли. В овраге валялось несколько голых немцев. Кто-то моментально их раздел - носить то всем было нечего, но кто раздел, партизаны, мирные жители, неизвестно. Один немец спрятался где-то в деревне. Все бросились его искать. Выловили, и партизаны повезли его в лес на санях, мы бежим рядом и разглядываем его. Он понимал, наверное, что его ждет смерть, но постоянно просил не убивать - у него два киндера. Кто-то быстро убитых похоронил в безвестной яме. Нашли бы у нас их трупы - всю бы деревню сожгли. За 8 километров от нас за взрыв партизанами машины с немцами была сожжена деревня Краснуха.

Как жили, что ели, почему были почти всегда голодные лучше и не вспоминать. Однако нам по 200 грамм хлеба выдавали с сельского склада. Раздачей ведал староста. Он был вместо председателя колхоза, что - ли.

К нам тоже приходили немцы, спрашивали мальчишек, где трупы, думали пацаны проговорятся. Но те только удивлялись: какие трубы, у нас никаких труб нет и не было.

Не то в январе, не то в феврале 1944 года фронт покатился на запад. Снова смерть прошла над нашими головами. Немцы в ночь перед уходом успели сжечь половину села. Сгорел и наш дом. Снова остались голыми,

без пристанища. Обидно и жалко было до слез. Наши-то стояли в 4 километрах и утром вошли в деревню.

Начали жить заново. В лесу пилили деревья, бревна таскали на себе и на саночках, чтобы построить хоть какую-то халупу. Работали и в колхозе и в карьере. Все работы были фактически бесплатными и очень тяжелыми. И зерно приходилось молотить, и снопы «ставить на ригу» (развешивать снопы на специальные колья перед обмолотом). А в карьере, не переставая, грузили песок на машины, лопаты так и мелькали, руки и спины деревенели. А еще каждый день 4 километра пешком отмотай туда, да обратно. Восстанавливались железная дорога, ремонтировались грунтовые - песок тек как вода.

Брат Володя с женой, довоенный снимок. Погиб в войну

Когда запасли бревен, отдали последний хлеб плотникам, а сами подались на заработки в Эстонию. Там были хорошо обустроенные, богатые хутора. У эстонцев была пока еще своя

земля и крепкие хозяйства: по 6 - 8 коров, свиньи, другая разная живность и птица. Рабочие руки - батраки - там всегда были нужны. Работали тоже, не покладая рук, но было посытнее. Привозили с заработков до 12 пудов хлеба (мука и зерно). Эстонцы нас ненавидели за то, что налаженные хутора и самостоятельное хозяйство должны были вскоре стать колхозами. Мне с хозяевами повезло. Уговаривала она меня остаться. А проработала я на нее полтора года в 1944 и 1945 годах. Хутор находился в 3 километрах от Выру.

В 1947 году завербовалась на торфоразработки в 12 километрах от Пскова. Работа была тяжелейшая. Постоянная сырость, тяжелый торф, вечная грязь. Заработки мизерные, а хлеба давали столько, что получишь на 5 дней, а за два дня все съедаешь, потом голодная сиди. «На торф» привозили и заключенных, они только удивлялись нашему каторжному труду. Их в дождь увозили назад в лагерь, а мы оставались работать - гнали план. Туда приехал мой деревенский жених и увез меня домой. Мы поженились и вот уже 57 лет неразлучно живем вместе.

В 1961 году приехали в Вартемяги. Я устроилась дояркой в хозяйство «Вартемяги» именно в тот день, когда в космос полетел Юрий Гагарин. Проработала 14 лет, а потом перешла на работу в Ленинград в КБ «Средства механизации» и через 8 лет в 1982 году вышла на пенсию.

У нас с мужем 3 детей, 4 внуков и 5 правнуков. Муж - участник войны.

Анастасия Федоровна Осипова (Ларионова)

Жительница блокадного Ленинграда
Участница Великой Отечественной войны

Я родилась 30 декабря 1921 года в Вартемягской больнице. Мои родители были простыми колхозниками. Мать долгое время, вернее, всю жизнь работала в нашем Вартемягском колхозе. С отцом произошел трагический случай. Он был, как мне кажется, кладовщиком и отвечал кроме всего прочего за хранение картофеля. Ему подстроили ЧП. Трое односельчан, как выяснилось много позже, видимо за что-то решили отомстить отцу (Алданин Иван Семенович, Андреев Иван по прозвищу Морган и Максимов Михаил), открыли утепление на ямах с картошкой, и она замерзла. Шел 1936 год, расправа не заставила себя ждать. Хорошо, что не судили за вредительство. Отца посадили на год «принудиловки» за халатность. Потом выпустили. А в 1937 году он уже работал пастухом. Корова случайно забрела в Калясовское озерцо, и отец, вытаскивая ее, промок до нитки. Не пошел сушиться, а продолжал пасти стадо, простудился, в больницу почему-то не брали: пройдет да пройдет, - говорили врачи. А не прошло, и он скончался дома.

Девчонкой занималась хозяйственными делами. На мне был весь дом. И мыла, и стирала, и готовила на всю семью. Она была большая. Старший брат (1910 года) Василий, сестра с 13 года Мария, брат Михаил 15 года (участник войны, но умер дома), сестра Анна с 18 года. Ленечка и Танечка, последыши, умерли в младенчестве. Двоюродный брат воспитывался у нас в семье (это был сын маминой сестры Сони)

Пришло время, и я пошла в школу. Закончила в Строилово (Касимово) 4 класса начальной школы и перешла учиться в Вартемягскую семилетку. В 1939 году закончила ее. Потом в Парголово попыталась учиться в 8 классе, но не было денег на проезд, обуть-одеть было нечего, жили впроголодь, какая же тут учеба. Работать надо, себя содержать, семье помогать. Ведь когда я училась в 7 классе Вартемягской школе, то одновременно работала пионервожатой в своей родной Строиловской (Касимовской) на-

чальной школе. Возилась с малышней, сама же была такой, да и к детям вообще меня тянуло, получалось. Там меня и прозвали ребятишки «тетя Нелли», а родные звали Нелькой. Еще и 18 лет не было, пошла на работу во 2 автобусный парк. Сначала была телефонисткой в пожарной охране, а потом заведующей Бюро пропусков.

До 1941 году я пешком ходила до станции электрички Левашово, а потом на ней ехала до станции Ланская, и опять пешком в свой автопарк. Еще в конце 90 годов он существовал на Земледельческой улице, 2 автобусный парк. До недавнего времени его автобусы нас возили по 433 маршруту. Однажды я опоздала на 15 минут, и меня судили. Высчитывали 6 месяцев 25% из моей зарплаты, били рублем, не считаясь ни с чем. Обидно, ведь я всегда добросовестно работала, но время было жестким.

В конце 41 года ушла из парка. Жила с матерью в Агалатово. Моих сестер отправили в Кострому как жен военнослужащих. А потом мы перебрались в Строилово (Касимово), в свой дом рядом с аэродромом. Отсюда меня и 14 других молодых девушек отправили на лесозаготовки в Пери (Алданины Маша и Таня, Буханова Екатерина, Макеева Наталья), и один парень был с нами - Макеев Петр.

Условия в доме, где нас поселили, были ужасные: грязища, стекла биты, топить нечем, а на улице мороз. Привели вначале все в порядок, както заделали окна, выгребли грязь. Постепенно наладили быт. Тяжелейшей была и работа. По пояс в снегу добирались на лесосеку, рубили огромные деревья в обхват толщиной. А потом их еще осучковать надо было. Лес отвозили на строительства ангаров для самолетов на нашем касимовском аэродроме. Каждый самолет в блокированном Ленинграде был на вес золота, его старались сохранить, чтобы ни артобстрелами, ни бомбежками нельзя было на земле его уничтожить. По краям взлетного поля выкапывали огромные ямы. Наши же, добытые невероятным трудом и мучениями бревна шли на обкладку стен и перекрытия. Самолет загоняли в этот дерево - земляной ангар и сохраняли от повреждений. До сих пор не понимаю, как хватало силенок голодным девчонкам ворочать огромные стволы, просто волочить ноги на работу и с работы. Нас тоже потом направили на строительство этих укрытий. Но теперь мы жили дома, работа от этого казалась легче.

Рядом с нами в Пери жила мать с дочкой, ночами они что-то промышляли, куда-то ходили, что-то возили, постоянно скрипели санями. Мы ночью увидели, что они привозят покойников и едят их. Мы тут же сообщили в ближайшую воинскую часть, их забрали. Жуткая картина для нас и для всех тогда, тяжелейшее воспоминание и сегодня.

В начале 1942 года нашу бригаду или отряд расформировали. Но все должны были работать на оборону города, да и работающим карточки давали с рабочей нормой выдачи продуктов. Я теперь стала работать старшей санитаркой в амбулатории при нашем аэродроме. Она располагалась в Строилово (Касимово), в доме Макеева Григория Ивановича (дядя Гриша, его так все звали). У меня было не законченное медицинское образование. Училась в медучилище перед устройством на работу в автопарк.

А.Ф. Осипова на пороге дома с матерью.
Фото военных лет.
Сделали офицеры, находившиеся на постое.

Время было военное, я быстро научилась основам медицины и скоро спокойно работала с врачом. А иногда и сама вела прием. Бросит он меня, куда-то пропадет, может и по делам, а должны прийти солдаты на обследование перед заступлением на пост. Доктор мне перед уходом и говорит: «Справитесь и сами». А я и справлялась.

Потом нас перевели в дом Бахвалова Николая, тоже в Строилово (Касимово), но ближе к аэродрому. Хозяева его погибли от голода и лишений. Начальником амбулатории был майор медицинской службы Берлин. Доверял мне. Помню слова: «Ну, если ты, Нелли, на посту, я спокоен».

Когда сняли блокаду, то нас отправили под Нарву. Как сейчас помню число - 2 февраля. Нас, 2 постовых медсестры, старшую медсестру, меня, а также 2 санитара и рабочие для обслуживания кухни, кроме того 2 врача, хирург и терапевт, отправили на полуторках разворачивали госпиталь, т.е. готовить госпиталь к приему раненых. Трое суток добирались до места, еле доехали. Вскоре все было готово. В 2-этажном доме все выскребли, подготовили палаты и операционные, кабинеты врачей. Все было готово и на кухне, и в прачечной. Но работа оказалась проделанной впустую. Немцы нас разбомбили. 18 самолетов сделали по 3-4 захода на наше расположение, бомбили и обстреливали из пушек и пулеметов, все смешали с землей. На месте двухэтажного дома, где мы уже готовились принять больных и раненых, оказалась яма. Медики все остались живы, не пострадали. Хорошо, что и в госпиталь не успели доставить раненых.

Потом пришлось перебазироваться. И нас ждали тяжелые испытания. Раненых было очень много. Тяжелых, которым было практически невозможно помочь, было очень жалко. Стонут, просят помощи, а что можно сделать, когда для него самое большое облегчение - смерть. Но многих и спасали. Подготовив к эвакуации, ночами отправляли самолетами в госпитали в тылу. Случайно встретила здесь двоюродного брата - таковы были дороги войны. Встретились и разошлись. Выжил он, вернулся с войны, как выжила и вернулась с войны я.

Потом снова переезд, добрались за Нарву, помню местечко Выставка. Лес, развернули большущую палату под госпиталь. Снова раненые, снова работа. Опять переброска, снова госпиталь. Летом нас перевели на Карельский фронт в местечко Майснеми, привал делали в Осиновой Роще,

у знаменитой теперь «дачи Романова». Опять в большом хорошем доме развернули госпиталь, но раненых было немного. Финнов разгромили быстро. Мой госпиталь принадлежал авиадивизии. Потом перебросили нас под Таллин, потом под Хапсолу.

12 июня 1975 года Встреча боевых подруг
Антонина Михайловна Савельева – в войну сержант, медсестра в госпитале.
Ольга Михайловна Макеева (Ефименко) – телефонистка, рядовая.

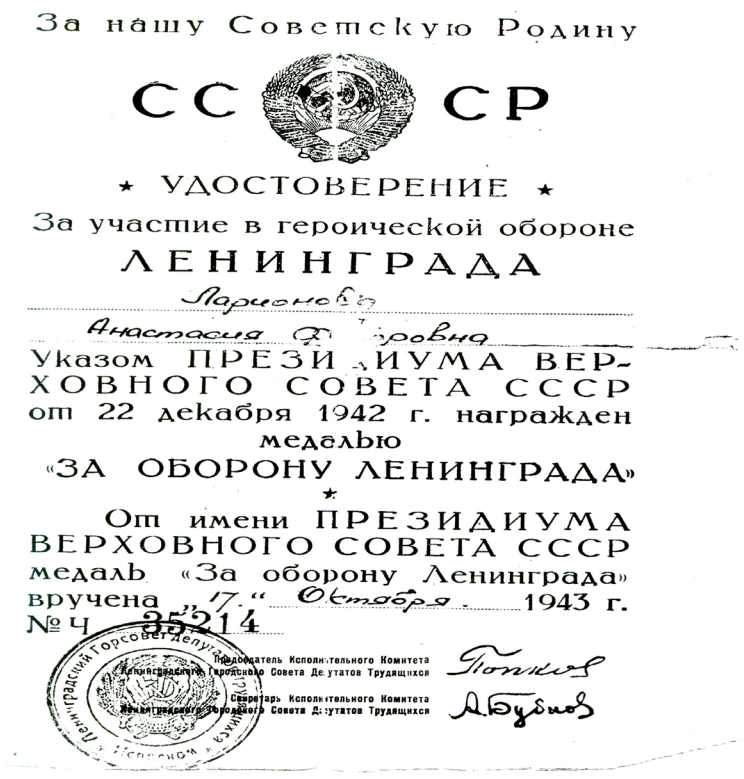
Госпиталь нас всегда километров за шесть ставили от аэродрома. Прятали нас и с боевыми частями мы не пересекались.

Когда мы располагались рядом с аэродромом, не раз попадали под бомбежку. Земля тряслась. Просто ужас. Убегали в лес так, что валенки в снегу оставляли, потом ходили собирать. Наш врач был уже в возрасте и трусоват. Первый бежал так, что пятки сверкали.

Нам молодым и не угнаться за ним было. Со мной была Мария Михайловна Бахвалова, тоже наша, касимовская. Она помладше - 1925 года, но вместе со мной работала сестрой и перенесла все те же невероятные трудности. Со мной третьей сестрой работала Блюкова Анастасия Яковлевна (старшая), фельдшер Алексей Васильевич Кошманов, и еще два санитара-солдатика составляли бригаду. Нас первыми отправляли на новое место «разворачиваться».

В Прибалтике в Хапсолу и закончили войну. Там в госпитале работали до 1947 года. Это была Эстония. Нас после 6 часов вечера не выпускали гулять, даже на улицу просто не выпускали. Часты были случаи убийств русских военнослужащих («Чпокали нашего брата»). И после войны работы в госпитале хватало: много больных чесоткой, и малярией, фурункулез был массовым. Даже в кино не ходили, работа - дом, а работа такая тяжелая и изматывающая. Постоянно, сутками, в специальной машине дезинфицировала нательное белье. Больных ведь мазали специальной дегтярной мазью - белье становилось темным. Хватало с ним возни. Работала, так же как и я, буквально на износ, сутки через сутки и Мария Бахвалова.

В Таллинне я познакомилась с будущим мужем. Случайно спросил какой-то младший лейтенант у меня расписание поезда на Хапсолу, я ответила, и он ушел. Потом нашел меня в вагоне поезда, и мы там разговори-



За нашу Советскую Родину

СССР

★ УДОСТОВЕРЕНИЕ ★

За участие в героической обороне

ЛЕНИНГРАДА

Ларионова

Анастасия Ф[illegible]ровна

Указом ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР от 22 декабря 1942 г. награжден медалью

«ЗА ОБОРОНУ ЛЕНИНГРАДА»

От имени ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР медаль «За оборону Ленинграда» вручена "17." Октября 1943 г.

№ Ч 35214

Председатель Исполнительного Комитета Ленинградского Городского Совета Депутатов Трудящихся

Секретарь Исполнительного Комитета Ленинградского Городского Совета Депутатов Трудящихся

Наградное удостоверение к медали «За оборону Ленинграда» Октябрь 1943 г.

лись. Приехали, и снова расстались - служил и воевал где-то, война ведь шла. Но меня находил постоянно, приезжал, как только выдавалась возможность.

Наконец, приехал за мной в Касимово. Здесь и расписались. В армии он не остался служить и на учебу не поехал. Надо было кормить семью, времена послевоенные для простых людей оставались трудными. Стал работать начальником лесосплава в д. Пестово Новгородской обл. Зарабатывал хорошо, кормил две семьи. Меня на работу не пускал. Медсестрой не было места, а в колхоз, говорил, в грязи ковыряться не позволю идти. Муж умер в 1977 году.

Я вернулась в Касимово, устроилась в нашу Вартемягскую районную больницу с 15 августа 1947 года и работала до 1985 года. 40 лет на одном месте.

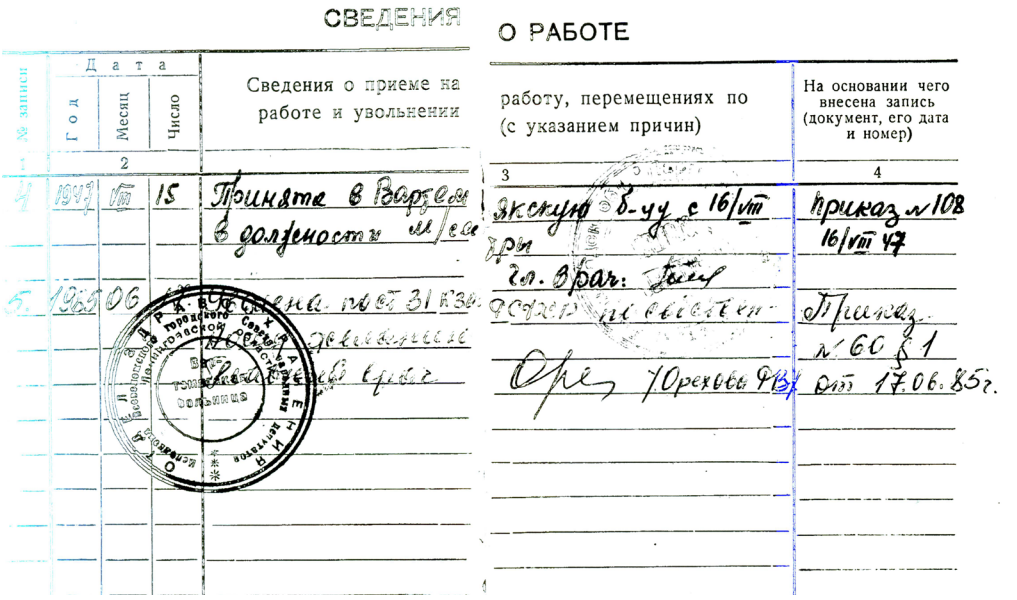
Награждена медалями «Ветеран труда», «Ветеран первой воздушной армии», «Защитник Ленинградского неба», «За победу над Германией».

Первая медаль вручена была мне в 1943 году, это была дорогая для многих ленинградцев медаль «За оборону Ленинграда».

Каждое десятилетие Победы отмечено врученными мне медалями. Награждена также медалями 60 и 70 лет Вооруженных сил СССР, медалью Жукова, медалями «300-летие Санкт - Петербурга», «60 лет полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады».

В 1985 году меня наградили орденом «Отечественная война» 11 степени.

В 2000 году я получила Почетный знак «Фронтовик 1941 - 1945



СВЕДЕНИЯ О РАБОТЕ

№ записи	Дата: Год	Месяц	Число	Сведения о приеме на работе и увольнении	работу, перемещениях по (с указанием причин)	На основании чего внесена запись (документ, его дата и номер)
1	2				3	4
4	1947	VIII	15	Принята в Вартем в должности м/сестры	Экскурс б-цу с 16/VIII гл. врач: [illegible]	приказ № 108 16/VIII 47
5.	1985	06	[illegible]	Уволена по ст. 31 КЗоТ [illegible]	[illegible]	Приказ № 60 § 1 от 17.06.85 г.

Уникальная страница трудовой книжки.
С 1947 по 1985 год – 38 лет работы на одном месте.

гг.». Им награждали тех, кто непосредственно сидел в окопах, ходил в атаки, бывал под обстрелом и бомбежкой.

Я служила медсестрой в 48 батальоне аэродромного обслуживания при 153 истребительном авиационном полку с 15 марта 1942 года по 15 июня 1945 года, войсковая часть 55 628.

Но на аэродромах, где служила, часто базировались и другие авиационные части, так что я ветеран прославленных летных частей: 277 Красносельской штурмовой авиадивизии, 15 Гвардейского Невского Краснознаменного орденов Кутузова и Суворова, 118 Гвардейского Валдайского истребительного полка.

Во 2 гуманитарной гимназии на 16 линии Васильевского острова в д. 55 находится музей Боевой славы нашего авиаполка. Долгие годы ветераны полка встречались там с учениками гимназии. Подвиги летчиков, наземных работников там отражены и сохраняются в памяти потомков, (т. 555 - 57 - 62)

На горе у автобусной остановки раньше располагалась аптека сразу после войны. Она была в доме двухэтажном красном деревянном. На первом этаже - аптека, что не втором не помню. Раньше этот дом принадлежал Миронову Ивану Васильевичу. Его в 38 году выслали в Сибирь как кулака. У него в доме была придорожная чайная. Вот - и враг народа стал. Он умер по дороге в ссылку.

***

Александра Ивановна Панфилова

Когда началась война, Александре Ивановне было 16 лет, она ходила в школу. А после школы ученики пилили дрова за пайку хлеба. На аэродроме чистили снег, рыли окопы. Было тяжело. Но там она познакомилась со своим будущим мужем, который был лейтенантом. Все родные ушли на фронт: сестра, отец. А потом и самой Александре выпала военная фронтовая судьба, она служила в Восточной Пруссии, радисткой. Александра Ивановна прошла всю Западную Европу, до самого Берлина.

«Война – говорит Александра Ивановна, - это ужас, который надо забыть и не бередить старые раны, никогда не вспоминать. Я до сих пор помню каждое мгновенье войны, словно это было вчера…»

После войны, в 1947 году, вернулась на Родину, переехали вместе с мужем в деревню Касимово и зажили мирной жизнью, стараясь забыть о войне. Родилась дочь.

За всю свою долгую жизнь Александра Ивановна была и метеорологом и бухгалтером, работала в расчетном отделе автобусного парка.

Рачков Семен Иванович

УЧАСТНИК ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
РЯДОВОЙ

Родился в 1925 году в деревне Вартемяги. Мать работала в колхозе. Отца не помню, он умер в 1929 году, когда пришел со службы в армии.

Учился в школе, нашей Вартемягской, на горке у ручья. Потом поступил в ремесленное училище в Сестрорецке. Там получил специальность шлифовщика и в 1939 - 1940 годах работал на Сестрорецком оружейном заводе. В 1941 году завод эвакуировали на восток. Эвакуация была срочной, я на какое-то время уезжал домой и не успел уехать вместе со всеми рабочими. Остался в блокадном кольце. Вернулся в родную деревню. Был я технически грамотным и быстро выучился на тракториста. Работал на полях колхоза «Промет» осенью 1941 года и до ноября 1942.

В декабре 1942 года призван в Красную Армию. Попал в школу младших командиров в п. Токсово. После обучения присвоено звание сержанта и назначен на должность командира 120-мм миномета.

Участвовал в боях по прорыву блокады Ленинграда. Воевал под Синявино. Там был контужен и ранен в руку. Быстро подлечили меня и направили на Ораниенбаумский плацдарм в 123 дивизию. Но здесь я уже был рядовым. Снова меня переучивали на 82-мм минометы, и я стал командиром миномета. Нас усиленно готовили к боям по полному снятию блокады. Наступление, как это известно, должно было вестись и с Пулковских высот, и с Ораниенбаумского «пятачка». 14 января оно началось. Я вместе с другими расчетами минометов участвовал в артиллерийской подготовке, громил вражеские позиции, а потом поддерживал минометным огнем наступление нашей пехоты. Прошел с боями в составе 123 стрелковой дивизии по полям сражений в Ленинградской области и в Прибалтике.

Снова был тяжело ранен. Осколки снаряда посекли всю левую сторону тела, левую руку и ногу. В полевых условиях сделали операцию, а на окончательное излечение перевели в госпиталь под Костромой на ст. Галичи. Получил инвалидность, и моя военная служба закончилась.

Вернулся в родную деревню. Стал работать в колхозе «Промет» сначала слесарем-водопроводчиком, потом бригадиром в животноводстве,

затем заведующим свинофермой.

С 1965 года на пенсии. Женат. Двое детей - сын и дочь. Подрастают две внучки.

Награжден орденом «Отечественной войны», медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией» и многими юбилейными наградами.

Сожалею, что нет самой дорогой награды - медали «За оборону Ленинграда». Ведь я всю войну был не Ленинградском фронте, здесь же получил ранения.

Его дети, сын Михаил Семенович, живет сейчас в д. Луполово; дочь Валентина Семеновна, умерла. Сейчас в Вартемяках, в доме деда, живет с мужем внучка.

О своей семье рассказывает Рачков Владимир Федорович.

Старшего брата Сергея забрали на Финскую войну летом 1939 года. Раньше служили на флоте 7 лет, и брат служил на Севере, в портах Североморск и Мурманск. Война его застала на сторожевом корабле. Немцы торпедой подбили их сторожевик. В живых остались моряки на верхней палубе, их подобрали английские катера. В Англии моряки прошли курс лечения, и были доставлены англичанами в Советский порт Мурманск с караваном судов.

Потом он служил на полуострове Медвежий. Во время одного из обстрелов ему оторвало руку выше локтя. Товарищ его тоже был ранен. Сергей кричит ему: «Сейчас, браток, помогу». А тот смотрел на него и грустно ответил: «Чем же ты поможешь, ведь руки-то нет!» Сергей в пылу боя этого и не заметил.

После снятия блокады Сергей вернулся с женой Ольгой в нашу деревню. Он награжден двумя орденами Красной Звезды.

Федора забрали в армию перед самой войной, и уже под Днепропетровском их часть попала в окружение, а потом и в плен к немцам. Затем немцы перевозят их в Германию, в концентрационный лагерь. Федору довелось побывать не в одном таком лагере. Он вспоминает о страшном истощении и зверствах немцев. Они бросали кости собакам, а если заключенные приближались к этим костям, то были покусаны немецкими овчарками, или спасались от пули надзирателей. Из плена их освободили американцы и передали по договору Советскому Союзу (обмен военнопленными).

А уж на родной земле их сразу расформировали по эшелонам и отправляли прямо в Сибирь (Красноярский край). Жили они в охраняемых поселениях Партизанского района сроком 10 лет. Отец все ждал: вот Федя вернется. 13 человек вместе с Федором были отправлены на работы в город Норильск по неизвестному доносу-обвинению, и остались только втроем из тринадцати. После смерти Сталина они были полностью оправданы, с них сняли все обвинения.

Федор вернулся домой только в 1957 году. Я в это время служил в армии, а отец уже не дождался Федю, но ждал его до конца и все говорил: «Вот Федя придет…». Брат женился на Терентьевой Нине, воспитал сына. Они жили в маленьком домике на Колхозной улице, а потом мы вместе со всеми родными построили семье Федора дом на улице Советской.

Вместе с другом н7а палубе крейсера Мурманск в 1941 году. Сергей Федорович Рачков слева

Василий (1923 г.) погиб в 1942 году. На братской могиле в Вартемяках на плите высечена фамилия брата. В конце 1942 года к нам домой пришло извещение: «Сын краснофлотца, разведчик Рачков Василий Федорович, уроженец Ленинградской области, Парголовского района, д. Верхние Станки пропал без вести в районе Финского залива

08. 07. 1942 г.». Внизу стояла подпись начальника штаба.

Но горе одно не приходит, особенно тяжело было маме. Она первая из всей семьи узнала о начале войны. Она ехала в трамвае. Трамвай остановился на пути: толпа людей слушала голос из репродуктора. Вот тогда она и услышала: «Война!». Мама сразу вернулась домой… плакали все…

И вот – Василий, отец получает контузию и попадает в госпиталь… Да еще к старикам-родителям в начале войны приехала из Сортавалы сестра отца Агриппина (Груня) с двумя детьми, Алексеем и Юлией, муж которой, Зиновий, погиб в Финскую. Они остались без средств к существованию. Зима суровая, есть нечего, делили все, что было. Потом и делить-то стало нечего…

А тетя Груня пошла в Ленинград, там она устроилась на работу в Ботанический сад, ей даже дали карточки на детей, и они выжили. А дед с

Федор Васильвич (2-й справа) на войне под Ораниенбаумумом осень 1942 г

бабушкой умерли от голода и болезней.

Самым тяжелым стал для нас 1942 год. Я до сих пор помню согнувшуюся спину деда, который, подойдя к крыльцу, говорил: «Посмотри, внучек, не осталось ли у мамы лепешки (из жмыха и пыли мама их пекла тогда). Корова, единственная кормилица, так отощала, ведь сено все забрали еще по осени, что ее пришлось подвесить в сарае на шланги. Стоять на ногах она была не в состоянии, о молоке не было и речи. Корова у нас была на две семьи: Талызины и мы. Вообще коровы были такой драгоценностью, что мать А.Ф.Максимовой, живущая рядом с Касимовским аэродромом, прятала сначала корову в специальном капонире, если немцы бомбили аэродром.

Этими тремя братьями наша семья не заканчивается.

Моя сестра Надежда (1925-1989 гг.) всю жизнь прожила в Вартемяках. Работала в колхозе «Промет», как и все работала и на лесозаготовках в войну. Сестра Ирина была чуть постарше нас с Людмилой, пережила блокаду, а сейчас живет она живет в Нижнем Новгороде – нашей изначальной родине.

Сестра Александра (1927-1928 гг.); братья, Виктор (1931-1932 гг.) и еще один Виктор (1932-1933 гг.), умерли, считай, в младенчестве.

Я, Владимир, 1935 года рождения, закончил 7 классов Вартемякской школы, затем ремесленное училище № 52 от машиностроительного завода «Вулкан». Как и все молодые люди 3 года отслужил в армии в городе Выборг. Службу проходил в зенитно-ракетных войсках. Вернулся из армии и работал токарем на заводе «Вулкан», потом на фабрике «Красное Знамя». Получил производственную травму и перешел на работу в объединение «Ленинец» в пожарную команду. Женился, а в 1955 году родилась дочь Галина. Она закончила школу, курсы бухгалтеров и сейчас работает в автобусном парке. Есть и внучка, Елизавета, 1977 года рождения, которая работает в объединении «Петербург теплоэнерго». Вторая дочка, Ксения, 1978 года рождения подарила нам правнучку, Катеринку (1999 года рождения).

Моя жена Екатерина Ивановна имеет тоже вартемякские корни: ее

бабушка Аксинья Андреевна (1877-1972 гг.) «странная» сирота, «государственный ребенок». Выкормлена финской кормилицей на Сарженке. В 16 лет к ней пришел свататься кузнец графа Шувалова. За него она и вышла замуж.

Отец моей жены, Екатерины Ивановны, Иванов Иван Михайлович (1908-1995 гг.) и мама, Мария Васильевна (1909-1963 гг.) жили в Вартемяках, а затем в поселке Мартыновка около Коломяг. Вскоре там началось строительство, и в 1990 году нам дали квартиру в городе. Работала она в Выборгском исполкоме техником бюро инвентаризации. Сейчас мы с дочерью и внучкой живем в Вартемягах.

Василий Федорович Рачков перед войной

Самая младшая сестра Людмила закончила 10 классов средней школы и фармацевтическое училище на Петроградской стороне. Работала лаборантом-бактериологом в Санитарно-эпидемиологической станции Красногвардейского района, а теперь в Александровской больнице № 17. Она часто бывает у нас в Вартемяках, добрейшая родная сестренка.

Рассказ Василия Дмитриевича Рачкова.

Мой отец Рачков Дмитрий Михайлович родился в 1903 году в д. Вартемяги. Ушел на фронт в 1941 году. Воевал в войсковой части 118 СП на территории тогдашней Карело-Финской ССР. Воевал он вместе с фактически односельчанином, касимовцем, Алданиным С.И. В 1943 году Дмитрий Михайлович, вместе с другом-односельчанином Алданиным и командиром (его в воспоминаниях все уважительно называют отцом-командиром) пошли в разведку. Задание было выполнено, захвачен «подъязычник». Возвращаться с пленным к своим было трудно, к тому же командир получил ранение и с трудом передвигался. Отец с Алданиным тащили пленного. Командиру стало хуже, и Дмитрий Михайлович оставил пленного на своего товарища, а сам двинулся помогать ослабевшему командиру. Но в этот момент взорвалась мина, отец получил тяжелые ранения: разом оторвало руки и ноги. От сильнейшего кровотечения он умер. Это было 11 сентября 1943 года. Но товарищи смогли похоронить его. Теперь мы знаем где могила отца: она в Карельской АССР, Калевальском районе, в районе станции Ухта. Все это я знаю со слов вернувшегося с войны С.И. Алданина.

У моего отца было еще 4 брата. Семен Михайлович, солдат, пропал без вести в феврале 1943 года. Павел Михайлович, Петр Михайлович, Константин Михайлович, погибли тоже. Их родители, Михаил Алексеевич и Надежда Ивановна, после гибели 5 сыновей, получив последнюю похоронку, вскоре скончались. Похоронены на Вартемягском кладбище.

Война забрала их всех.

Рачков Василий Дмитриевич о своей семье.

У мамы с папой нас было четверо. Николай- 1929 года рождения, живет в Вартемяках на Приозерском шоссе. Владимир – 1933 года рождения и я – Василий – 1936 года рождения, тоже живем на Приозерском шоссе.

Наша младшая сестра – Валентина, 1937 года рождения, живет на Школьной улице.

Дом родителей стоял за фермой. В начале войны отец ушел на фронт. Дома осталась мать с 4 детьми. Надо было учиться выживать. Страшим в семье, естественно, оказался старший брат Николай – 12 летний «мужик». На его долю выпало помогать матери, и воспитывать нас. Он будил, поднимал, распределял одни валенки на всю семью, организовывал работу, помощь по дому.

Судьба Василия Дмитриевича после войны складывалась удачно. Служба в армии прошла в Германии в г. Веймар. Он уже должен был увольняться, а в часть прибыл его брат Владимир. Свою службу он как бы передал по- родственному. Василий работал шофером на скорой помощи в Вартемякской больнице. Потом закончил автодорожный техникум и поступил работать в ГАИ. Вначале работал в районном Всеволожском ГАИ, потом был переведен в Ленинград в городское Управление на ул. Попова. Уволился в звании майора. Первое время он осуществлял проверки на нашем Приозерском шоссе. Потом его направляли с проверками в различные и дальние районы Ленинградской области: Бокситогорск, Лодейное поле… Жена вспоминала, что перед отъездом в командировку спросила: «А деньги на обед-то есть?» Василий Дмитриевич достает из кармана тряпочку, разворачивает ее и показывает 3 рубля. Стыдно, что даже кошелька ему не догадалась купить. Василий Дмитриевич замечает: «Когда пойду в столовую или магазин, я деньги на улице выну, не буду позориться с тряпочкой».

Жена устроилась на работу в Токсовское райпо бухгалтером. Фамилия Рачковых известная. К ней подошли мужчины и спросили, чья она жена. Не хотела сразу признаться, что она жена «гаишника». Но ничего утаить надолго нельзя. Узнали, что она жена Василия Дмитриевича, и пришли снова. Сказаны были очень теплые слова: «Передайте ему от нас низкий поклон. Ваш муж – мужик справедливый, строгий и мудрый. Разбор аварий проводил досконально и честно пьяных не прощал, невиновных не сажал и не наказывал никогда». Да и сам он понимал, что за ним семья: жена и дочери. До сих пор в их семье не понимают, что творится сейчас в ГАИ и милиции. Воспитаны и приучены были работать так, чтобы не стыдно было смотреть людям в глаза.

Жена Василия Дмитриевича - Раиса Гавриловна. Встретились они в 1957 году на танцах в Вартемякском ДК, и в 1960 году поженились. Родились у них 2 дочери: Надежда и Тамара. Они были очень музыкальными. Семья гордится, что их дочери талантливые музыканты и преподаватели музыки. Вначале обе закончили музыкальную школу на проспекте Художников в Ленинграде, потом они обе заканчивали Ленинградское музыкальное четырехлетнее училище им. М.П.Мусоргского, а затем Консерваторию

им. Римского-Корсакова. Сейчас Надежда работает в музыкальной школе на улице Тухачевского, а Тамара – в Санкт – Петербургском музыкальном лицее на улице Шпалерной.

Семья Раисы Гавриловны попала под каток сталинских репрессий. В 1931 году ее отец, каменщик по профессии, красивый мастеровой мужчина Гавриил Антонович (1905 г.р.) по доносу попадает в тюрьму. За ним забирают и жену с маленькой, только что родившейся Тамарой. Полураздетых привозят в «километровый» (очень длинный) барак под Смоленском. Огромное помещение этого барака было буквально набито женщинами с детьми. Январь, Никольские морозы. На руках новорожденная дочка, переодеть, не во что. Никаких условий и медицинского обслуживания. Ребенок болеет, голодный, нагноился пупочек. Уже видна смерть. Спасти может чудо. Ребенка оставляет на соседку, а сама идет в «вагончик» - помещение, где расположились «нквдэшники». Он закрыт. Она грохочет и стучит, требует открыть. Когда открыли дверь, то за ней оказались двое военных, и она громко на них кричит: «За что меня взяли, дочка умирает…». Один из офицеров, видя, что женщина полностью бесправная пытается найти какие-то права, рявкнул: «Расстрелять!». Другой оказался или более человечным или менее пьяным, посочувствовал отчаявшейся женщине и пообещал посмотреть документы и разобраться. Случилось невероятное среди этого беспредела. Ее неожиданно вызывают к начальству. Мама прощается с жизнью и с дочкой, отдает ее на руки все той же сердобольной женщине, а сама идет в неизвестность.

Более спокойный офицер отдает ей документы и отправляет из лагеря. Редчайший случай в те трагические времена. Через некоторое время возвращается и ее муж (мой отец). Но пребывание в бараке для Тамары не прошло бесследно. Она получила хроническое заболевание живота.

В 1937 году родилась я, Раиса Гавриловна. Отец снова по второму доносу попадает в НКВД. На этот раз ему спастись не удалось. Неизвестно за что, его расстреляли.

Мама прожила 88 лет с 1905 по 1994 гг. под Смоленском, а потом в самом Смоленске.

Сегодня очень актуальна проблема расстрела польских офицеров под Смоленском в Катынском лесу. Раисе Гавриловне об этой трагедии рассказывала какая-то женщина или бабушка, хозяйка квартиры, об этих расстрелах. Говорила об этом, конечно же, под большим секретом. Многим было известно и памятно, как в сумерках начинали звучать выстрелы. Очевидцы говорили, что расстреливали в затылок, в упор из револьверов. Звуки таких выстрелов звучали глухо – «чпок, чпок».

Поляков видели местные жители, когда тех привезли в вагонах для скота под Смоленск на какой-то станции. Они были молодыми, красивыми. Запоминаются благородные черты лица и военная выправка, красивая, даже щегольская военная форма, необычного вида фуражки – «жолнежки». Голоса из вагона просили хлеба. Готовы были отдать золотые часы за буханку. Для нас это диковинка, а они-то были обеспеченные, может быть и дворянского происхождения, состоятельные люди.

Ольга Ивановна Рябова

Муж Ольги Ивановны – Рябов А.М. также ветеран Великой Отечественной войны.

Во время Великой Отечественной войны Ольга Ивановна была санинструктором в звании старший сержант. Воевала в рядах 3-й Ударной Армии 325 стрелковой дивизии с 1942 по 1945 гг. День Победы встречала в Восточной Пруссии.

После войны работала бухгалтером, в Ленинграде прожила меньше года, переехала в Елизаветинку, где и живёт до сих пор, уже почти 50 лет.

Виктор Васильевич Серебряков

В 1941 году он окончил 7-й класс Волховской средней школы. В Великую Отечественную войну обучение продолжалось, но уже в качестве снайпера в окружной школе, которую он окончил ее в 1944 году. А потом был направлен на фронт в Белоруссию, участвовал в освобождении города Минска. Учил снайперскому делу белорусских партизан. Награжден медалью «За победу над Германией», орденом Ленина. После войны работал токарем на предприятиях Риги. До 1995 года жил Латвии, но потом в силу сложившихся там политических отношений, вынужден был переехать в Россию.

Суворова Нина Фёдоровна

(воспоминания Нины Федоровны)

Мне пришлось пойти работать в четырнадцать лет. Прибавила два года, иначе не брали, работала билетным кассиром на железнодорожной станции, станция Угловая. Жизнь была трудная в первые пятилетки. В 1937 году был призыв женщин идти работать на железную дорогу и я по призыву пошла учиться на курсы помощника паровозного машиниста. Окончила их через 6 месяцев и целый год работала помощником паровозного машиниста на скором поезде Дно и Ленинград. Потом попала в Волжскую часть, там был аэродром недалеко, стала работать в воинской части.

Когда началась война, мне было 23 года, служила на гражданской должности машинисткой в одной из военных частей в Псковской области. Первые дни войны были самыми страшными. Даже среди военных была паника. Враг наступал очень стремительно, информации было мало, в основном слухи, и они были страшными. Да и события… Ведь блокада Ленинграда началась в самом начале войны. К этому времени, в сентябре 1941-го, я уже была рядовой действующей армии. Пошла в армию добровольно. Служила на своей должности в штабе авиационного полка Волховского фронта. 18 января 1943 года, в прорыве блокады, наш полк принимал непосредственное участие. И мы видели первый салют Победы в этой войне. Среди моих наград есть и медаль «За оборону Ленинграда».

Мой полк освобождал Ленинград, блокаду снимали. Меня зачислили в 73-й штурмовой Нарвский полк. Я была там единственная женщина. Приходилось жить в землянках, летчики кусочек мне отгородили и я с ними. Я все время была в курсе всех событий, я вела документацию. Утро начиналось для меня со сводки информбюро, какие боевые действия проходят, потом приходила печатать эти новости. Прошла всю войну и демобилизовалась в звании старшего сержанта. Это было в Эстонии, в городе Пярну, незадолго до Победы 9 мая. В военных частях я служила всю жизнь, до 1959 года.

У нас была жизнь бедная, послевоенная, но мы были какие-то энтузиасты, радовались жизни.

Екатерина Степановна Трухачёва

Когда началась война, Екатерине Степановне было 17 лет. Семья жила в Колпино, она училась в медицинском училище на втором курсе. Через райком комсомола девушку призвали в армию. Формировался Ижорский батальон, впоследствии назывался 72-ой отдельный пулеметный артиллерийский батальон. Стояли в обороне в Колпино до снятия блокады, когда соединились вместе Волховский и Ленинградский фронты. Через позиции шли в наступление, сначала самолеты, танки, потом пехота.

Солдаты кричали в наступлении: «За Родину, за Сталина!». Было много раненых, убитых, шли тяжелые бои за каждый метр родной земли. Сколько пришлось перевезоть тяжелораненых в медсанбат! Ехать было страшно, бомбили со всех сторон. Запомнились огромные траншеи, в которых специальная трофейная бригада хоронила мертвых. Вонь, запах крови, крики, стоны, грязь! Наступления были частыми. В 1941 году были сильные морозы, многие солдаты получили обморожение. Медицинская помощь требовалась всегда, медсестру звали на помощь постоянно. А она не только перевязывала, спасала, но еще успевала рассказать новости с других фронтов, которые узнавала в госпитале и рассказывала на передовой.

Потом освобождали Прибалтику, Екатерина Степановна участвовала в освобождении Риги. Победу встретила под Хельсинки. Но она не принесла той радости, которую так ждала Екатерина Степановна. Любимый муж, они только поженились весной 1945 года, был тяжело ранен. Волной от взрыва был поврежден позвоночник. Страшные болевые приступы, муки, которые было тяжело видеть, а главное – нечем было помочь близкому человеку. Она бесконечно плакала, но только когда оставалась одна, а с ним старалась быть спокойной, все время была с ним в госпитале. Победа осталась в памяти удивительной тишиной после стольких лет человеческого напряжения, на фронте отвыкли от неё.

Сергей Исаакович и Людмила Исааковна Федоровы.

(воспоминания)

Семьи были большие. У бабки от первого мужа родилось пятеро детей, со вторым мужем родилось еще четверо, да еще двоих взяли из приюта.В семье моей мамы, Рачковой Татьяны Васильевны (1901-1988 гг.), было 10 детей.

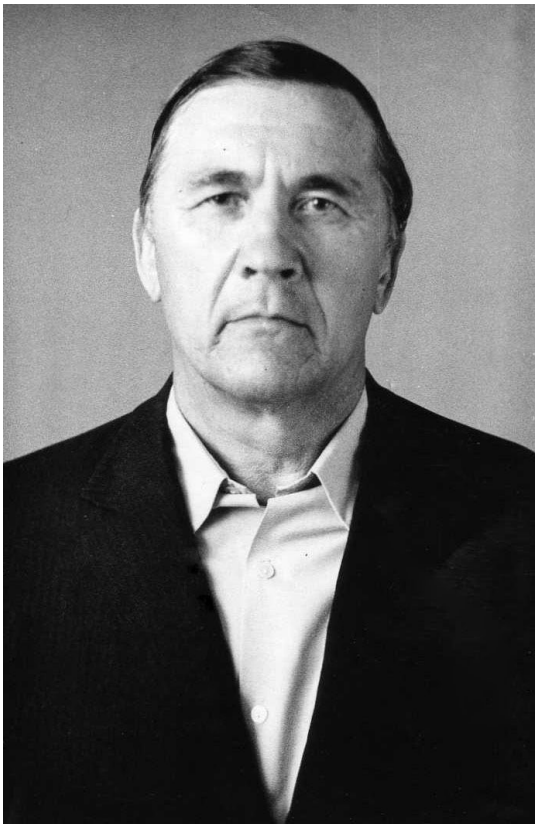
Родители ее приехали из Нижнего Новгорода, а семья отца – из Великого Новгорода. Отец, Фёдоров Исаак Иванович, жил с 1897-1943 гг. В войну был на оборонных работах под Всеволожском, в рабочем батальоне, там заболел. В 1943 году был комиссован по состоянию здоровья, отправлен домой, где и умер в 1943 году от рака желудка.

Мама работала в колхозе «Промёт» всю войну и продолжала работать после войны. У родителей наших было восемь детей. Старшая сестра Мария (1923 г.), закончив школу, построенную графом Шуваловым, которая работала в двухэтажном Поповском доме, стала счетоводом в колхозе «Промёт». Поработала она и председателем колхоза, в конце войны вышла замуж, сейчас с семьей живет в Одессе.

Сестра Ольга (1925 г.) с первого дня войны работала на оборонных работах: рыли окопы, противотанковые рвы вокруг Ленинграда. Затем работала в колхозе. С 1943 года до конца войны работала в действующей армии вольнонаемной 48 батальона аэродромного обслуживания. Имеет орден «Отечественной войны второй степени», медаль «За оборону Ленинграда».

Сестра Надежда (1927-1997 гг.) всю войну работала в колхозе, на лесозаготовках, на расчистке дорог и взлетных полос на аэродроме. После войны снова в колхоз свинаркой, полеводом. Мужем ее был Колотаев Георгий. Жила с семьей на улице Советской.

С сентября 1941 года и до полного разгрома врага Вартемяки находились в блокадном кольце. Севернее Вартемяк на Карельском перешейке про линии р. Сестра – Белоостров – Лемболово – Никулясы – побережье Ладожского озера держала оборону 23 армия. Ей противостояла Юго-восточная армия финнов. Штаб нашей армии находился в Агалатово, а некоторые штабные подразделения – в д. Сярьги.



На аэродроме в Касимово истребительный и штурмовой авиационные полки. В любую погоду, зимой и летом защитники ленинградского неба вступали в жестокие схватки с врагом, защищая город от вражеских бомбардировок. Они уничтожали живую силу и огневые средства противника. Штурмовой полк стал в 1942 году 15 гвардейским.

Сергей Исаакович (1929 г.)

Помню в начале войны собирались с мамой в эвакуацию в республику Коми, приготовили пожитки, можно было взять только 15 кг. на человека, но остались дома в Вартемягах, так как замкнулось кольцо блокады. Первая зима войны была очень суровой и голодной. В подвале оставалась одна картошка, да и то счет шел на штуки, ведь надо было на посадку оставить. Правда, сажали, вырезая глазок от картофелины в лунку, но картошка выросла и овощи тоже. С октября по март учились в школе, а потом в колхоз – подвозили воду в бочки на парники, брали воду из канав вдоль улиц. С октября опять в школе по март, и так всю войну. Работали и на аэродроме. Зимой 1944 горда расчищали снег, расчистишь площадку 10 на 10 метров на взлетной полосе – дадут карточку или пайку хлеба в 400 грамм. Летом рыли землянки или капониры для самолетов.

Помню в небе два наших самолета и финнский. Финн подбил наш самолет, но и сам рухнул около Касимовского озера, подбитый вторым нашим. Это был единственный финский самолет за всю войну в наших местах. Бомбили немцы аэродром не только в Касимово, но и ложный. Он был замаскирован в 4-5 километрах от Скотного под Матоксой. Много воронок было там, лупили немцы по «фанере», особенно ночью. На Касимовском аэродроме стояли в основном самолеты-истребители И-16, «ишаки». Но привезли однажды несколько «Дугласов». Это были шумные

светящиеся самолеты, и надолго их не хватило. Бывало и смешно. Начало бомбежки застало женщин и девчат врасплох, залегли, голову в лес под дерево, а пестрое платье и ноги сверкают на солнце. Но пронесло, только пули свистели.

Немцев остановили под Лемболово, так иногда минометы доставали и до аэродрома. В нашем доме вповалку спали солдаты, да не простые, а оркестр. Под музыку провожали новобранцев, а потом сами на передовую санитарами. И таких заездов было несколько, они чередовались

После войны отслужил в армии, вернулся в колхоз, потом совхоз «Госплемзавод «Лесное», Учебно-опытное хозяйство Ленинградского ветеринарного института расположенного в г. Пушкин. Но так с хозяйством «Вартемяги» и не расстался, работал до выхода на пенсию в 1989 году. Работники хозяйства вспоминают густой, красивый голос Сергея Исааковича. Пел он, говорят, как Шаляпин. В праздники такое бывало.

Николай (1931-2007 гг.) с лета 1942 года пас коров в колхозе «Промет». Зимой работал на скотном дворе. Закончил Строиловскую (Касимовскую) начальную школу, затем перещел учиться в вечернюю школу. Получил права и стал работать трактористом в колхозе. После службы в армии вступил в партию (КПСС), был направлен на работу во Всеволожское ГАИ. За задержание особо опасных преступников имеет правительственные награды. Он работал в ГАИ 27 лет вместе с Василием Рачковым, Борисом Купировым, Юрием Тихоновым, Валентином Капасиновым.

Николай был честным «гаишником», ни на какие нарушения не закрывал глаза, подкупить его было невозможно. «Обиженные» им преступники натянули через дорогу колючую проволоку. Он ехал на своем мотоцикле с работы и в темноте врезался в нее. Повредил четыре позвонка, спина мучила его потом постоянно, но он работал дома, вырастил детей: сына Александра и дочь Ларису. Награжден медалью «За оборону Ленинграда». Людмила (1939 г.) и Виктор (1941 г.) в войну были маленькими.

Сергей Исаакович Федоров с братом и друзьями в День Победы

Филатов Борис Федорович

ЖИТЕЛЬ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

Родился 2 октября 1937 года в деревне Вартемяги тогда Парголовского района.

Отец, как мне теперь кажется, занимался извозом и в колхоз вступать не хотел, или в колхозе был возчиком. В 1939 году он был призван в Красную Армию. Воевал вначале с финнами, а потом ушел на войну с фашистами. В 1942 году пропал без вести. Воевал и погиб простым солдатом.

Начало войны не помню. Мне было всего 4 года. Но позже, в 1942 – 1943 годах помню, что в домах по всей деревне спят на полу вповалку усталые солдаты. Конечно, ни кто они, ни откуда, ни куда шли, я сейчас и представить не могу.

Напротив школы в Шуваловском парке располагался госпиталь или медсанбат. Нас туда не пускали. Но мы видели многочисленные землянки.

В бору стояли воинские части. Они были разные и многочисленные. Мы туда иногда пробирались. Солдаты нас немного подкармливали, чем могли. На горке напротив старого сельсовета (деревянного) на опушке леса стоял ДОТ. Он прикрывал дорогу и мост, тогда деревянный.

Запомнились и самолеты, летавшие с Касимовского аэродрома. Как только над Ленинградом вспыхивали прожекторы, и начиналась стрельба зенитных орудий, самолеты стремительно летели парами, четверками на прикрытие города. Проходили низко над Скотным, Калясовым по кратчайшему пути. Потом они возвращались. Мне кажется, что они возвращались без строя, часто поодиночке, многие летели «тяжело». Однажды на наших глазах один самолет рухнул прямо на поля за теперешней весовой. На месте весовой и купеческого ряда стояли конюшни и коровники. Прямо за ними он и упал. Сбежались сначала жители, потом подъехали военные. Я успел увидеть двигатель, лежащий отдельно, фюзеляж разбит и отброшен по направлению полета. Что стало с пилотом, не знаю. По воспоминаниям другого жителя Вартемяк блокадной поры ему удалось подойти к летчику настолько близко, что он запомнил молящий и печальный взгляд летчика. Он был жив, двигаться только немог. Видимо, ему перебило ноги.

Над мостом на дороге на Токсово, напротив теперешнего братского захоронения было закопано артиллерийское орудие. Оно должно было простреливать шоссе. Позиция была оборудовано по всем правилам: ровная площадка – аппарель, вокруг насыпан бруствер. За позицией ближе к опушке парка вырыты землянки для орудийного расчета.

Третий класс Вартемягской школы в 1944-1945 учебном году. Пятый слева Филатов Б.Ф.

Укреплены были и берега Охты. Со стороны школы слева и справа от шоссе под прямым углом берег был превращен в противотанковый ров. Он шел от моста мимо больницы до моста, где теперь расположился «Корабль цветов».

В деревне во всех домах постоянно находились на постое войска. У нас в доме тоже постоянно отдыхали солдаты. Однажды их набилось так много, что я в комнату не смог пробраться. Но потом у нас поселился какой-то командир. На стену даже повесили телефон, и он по нему «командирил». А во дворе постоянно стоял бронеавтомобиль. Чем-то он походил на броневики гражданской войны, не то «ленинский», не то «чапаевский». Все окрестные ребята любили залезать в него, как бы играли в войну, дергали различные рычаги. В один из таких «игровых» дней кто-то что-то дернул, и броневик поехал, да прямо под гору к реке. Испугались мы здорово. Спрятались в военный брезент от какой-то техники, просидели под ним целый день, а мать и солдаты нас везде искали.

На месте нынешнего «Барыбинского» магазина в войну стоял деревянный двухэтажный магазин. Здесь все Вартемяги отоваривали карточки. Не дай бог их потерять. Что конкретно давали по карточкам, я не помню – мал был, но отношение к карточкам помню. В деревне в блокаду жили легче, чем в городе. Нас спасали огороды. Это уже чуть ли не гарантия выживания. В колхозе денег не платили, не помню, давали ли что-нибудь на «трудодни». Но колхозники работали от зари до зари. Все поля засевались, вообще каждый клочок земли обрабатывался. На теперешнем школьном огороде тоже что-то сеяли. После уборки полей мы, школьники, собирали колоски, желуди, рябину. Заготавливали все, что имело какую-то питательную ценность. Все это куда-то сдавалось.

В 1944 году я пошел в школу. Учились в старой двухэтажной деревянной школе, сгоревшей в 1996 году.

С нами учились детдомовцы. Детский дом находился на территории нынешнего монастыря. В бывшем поповском двухэтажном доме располагались классы для самоподготовки и каких-то других занятий. Детдом был для нас закрыт. Ходили они строем и их на своей территории кормили.

1952 год. Лучшие спортсмены школы. Наша сборная команда. Пятый слева Филатов Б.Ф. Второй справа Макеев Евгений. Рядом с Филатовым Б.Ф. стоит Гришин Николай. Его племянник Гришин Владимир работал в Вартемягской СОШ рабочим и кочегаром.

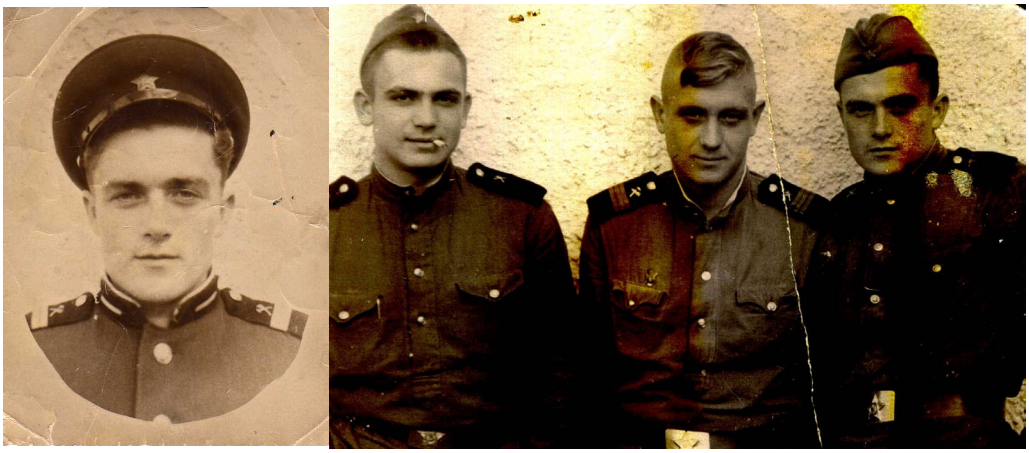
Один – два раза повезло мне и нескольким «сельским». Работница столовой тайком дала нам трехлитровую банку из - под повидла, когда его роздали детдомовцам. Остатки повидла на стенках банки мы своими тонкими ручонками быстро вымазали и вылизали. Такого вкусного лакомства, мне кажется, я и не помню за всю свою жизнь. Да! Уже после войны в 1948 – 1949 годах мы, мальчишки, помогали работникам магазина и шоферу разгружать продукты. За это шофер давал какую-то булочку, а иногда и обломки сыра. Это тоже была незабываемая вкуснота. Сыр тогда – редкость. Сейчас много различных сыров. Но тот сыр, его неповторимый вкус не идет ни в какое сравнение, ни с чем.

У дорог в Вартемяках располагались чайные. Их, помню, было три. Чайная Романова стояла на Барыбинской (где и сейчас магазин). Чайная Коврижкина стояла на современной площади – у начала Советской улицы. Чайная Чистякова (сейчас не сохранилась) - на повороте дороги к ферме.

«Барыбинский» магазин примерно до начала 60-х годов был двухэтажный. На первом этаже - торговый зал, а на втором этаже жили продавцы. В магазине было все. Справа от двери располагались продтовары: колбаса, хлеб, рыба и т.д. Слева были разложены промтовары: пальто, обувь, рубашки; материал лежал «штуками» - большими рулонами. Посередине находились хозяйственные товары: все от гвоздя до лампы.

За «Барыбинским» магазином через 2 дома в сторону Ленинграда стоял двухэтажный дом – бывший постоялый двор, стоял еще с 19 века. Теперь там жило несколько семей. С сыном одного из жителей этого дома дяди Миши Ковалевского я учился в 10 классе. И вот дом загорелся. Дядя Миша хотел спасти хоть какие-то вещи. Я почему-то оказался рядом. Хотел помочь ему и залез к окну на втором этаже. Вдруг кто-то где-то разбил окно, и пламя получило приток воздуха. Дом вспыхнул свечкой. Я спрыгнул вниз. Теперь уже спасать было нечего.

В 1948 и 1949 году все классы школы по очереди сажали наш знаменитый сосновый бор. Откуда-то привозили маленькие сосенки, мы их ак-



1956 год. Филатов Б.Ф. справа.
Служба в армии после целины.
Рядовой отдельного батальона химической защиты.

куратно высаживали под дерн, эти саженцы. Потом их неоднократно поливали, чтобы прижились. Теперь наши деревья разрослись. Среди них стоят и сосны - довоенные ветераны. Больно видеть сейчас, как наши труды уничтожаются, и растут, как грибы после дождя, в бору коттеджи.

В 1956 году я закончил школу, десять классов. А наш бывший одноклассник Георгий Васильевич Орехов закончил только 8 классов, выучился на тракториста и стал работать в колхозе. Мы, школьники, тоже весь сентябрь работал и на полях, но он-то работал «по-взрослому». Мы после уроков приходили к нему на калясовские поля. Он 16 – 17-летний тракторист выматывался до изнеможения. Сажал нас в кабину, сам засыпал. И мы пахали. Один работал правым рычагом трактора, другой – левым. На прямой справлялись, но при повороте и заходе на следующие борозды нам следовало его разбудить, чтобы не заглушить мотор. Однажды мы, считая себя «великими трактористами», не разбудили его, и трактор при повороте заглох. Запускался трактор от «пускача», а свеча для него была одна на несколько машин. Пришлось на велосипеде ехать в Касимово, где на поле работал еще один трактор. Привезли свечу, запустились, снова на велосипеде отвезли свечу хозяину.

Был у вартемякских мальчишек один «промысел» для добычи какого-то лакомства. В Охте водились раки. От моста до больницы дойдешь – ведро собрал. Теперь тащишь раков в чайную или столовую (там теперь магазин). Заведующий угощал нас какими-то конфетами, сладостями. Старшим доставались штучные самые дешевые папиросы «Байкал». Наши раки шли к пиву в основном для военных с Касимовского аэродрома. Их звания можно было различать по марке папирос, которые они курили. Офицеры до майора курили «Беломор», старшие офицеры - «Казбек».

Столовая или чайная – «забегаловка» - просуществовала где-то до 1975 года. Слева от входа (он на том же месте и сейчас) стояли столы для посетителей. Чуть правее от входа располагалась стойка с выкладкой бутербродов и закусок, а также неизменная бочка с пивом. В розлив шли водка

и вино. Торговля шла полным ходом. Можно было там и пообедать, готовили первые и вторые блюда. Самыми «богатыми» и завидными посетителями были «летуны» - летчики с Касимовского аэродрома, пока тот не закрылся.

Борис Федорович с учениками вечерней школы после экскурсии «Вартемяги в войну и блокаду»

В чайной, кажется, бессменно долгие годы торговала Борзенко Мария Петровна. Большой любитель пива дядя Леша Бахвалов постоянно издевался над ней: выпьет кружку пива и на всю чайную заявляет: «Что-то пиво у тебя, Маша, фиговское». Сплошная регулярная антиреклама заведения. Но и Маша Борзенко для всей деревни стала «фиговской».

Чайная – место встреч, «отдыха» после работы. Но тогда деревенские жители редко могли себе позволить посидеть даже в таком «ресторане». Кружка пива с вяленой рыбой, редко водка или закуски. Домашняя-то еда всегда лучше, дом рядом, тратиться на «казенную» еду – ни к чему. Из уст в уста в деревне передавались случаи приезда в чайную такой знаменитости как Меркурьев. На Лемболовских высотах снимали фильм «Звезда». Он играл роль старшины роты разведчиков. Приезжал он на «Победе» с шофером. Заходил, брал кружку пива, как правило, добавлял грамм сто водки или из маленькой из кармана, или из стакана, заказав водку тут же в буфете.

У Барыбинского магазина был тоже центр «питейной» жизни. Слева от входа в магазин стоял пивной ларек. У него несколько раз видели Николая Крючкова. Он тоже снимался в фильме «Звезда», играл сержанта Мамочкина. Этот подъезжал тоже на «Победе», но за рулем сидел сам. Подойдет к очереди. Вежливо поинтересуется: «Кто последний?» Его восхищенные мужики, конечно же, пропускали без очереди. Популярность актеров была такова, что на них чуть ли не молились – какие тут очереди. Выпьет кружку, пошутит с народом, потом садится в машину и уезжает.

Мы видели и артиста Николая Рыбникова. Он снимался в фильме «Чужая родня». На спуске с горы к токсовскому мосту снимали эпизод, когда жену главного героя, Ульяну, увозят в роддом. В этом эпизоде лошадь с телегой, на которой лежит главная героиня, буквально продирается через непролазную грязь в канаве, чтобы выбраться на дорогу. И так

несколько раз подряд: один дубль следовал за другим, а режиссера все что-то не устраивает. Лошадь измучилась, вознице ее жалко. «Хватит, - кричит он, - мне на ней завтра пахать». А режиссер тоже орет: «Снимаемся дальше, да я всю вашу конюшню завтра куплю».

Снимали у нас и фильм «Блокада». В Скотном на горе построили Пулковскую обсерваторию и рядом с ней снимали различные эпизоды боев. Вартемяжцы видели в это время артиста Виталия Соломина, игравшего одну из главных ролей. Жил он во время съемок в доме нашего земляка артиста театра им. Комиссаржевской Ивана Краско.

Когда мне было 13 – 15 лет, снимали у нас и какой-то исторический фильм, названия не помню, но это были средние века, война с кем-то. В массовку набрали жителей Вартемяк. Одели в бутафорскую броню: кольчуги, шлемы. Несколько раз штурмом брали высоту: дружно бежали рядами с копьями наперевес, прикрывшись щитами. Вдруг режиссер бракует все дубли: в кадры попадает асфальт. Быстро накосили травы, забросали асфальт – и снова в атаку, ура, на штурм высотки.

Съемки фильмов для жителей Вартемяг - своеобразный праздник, и не только для детей. Если снимаешься в массовке и у тебя есть паспорт – получи 5 рублей в день; если только свидетельство о рождении – 3 рубля, а это все же деньги.

Сразу после окончания 10 класса призвали в армию. До 19 лет мне оставалось еще 3 месяца (а призывали именно в 19 лет тогда), но шло освоение целины, и нужны были «добровольцы». Меня с другими призывниками прямиком отправили в Казахстан. Там работали на заготовке сена, потом на уборке зерна. В ноябре отправили в Москву. Наш эшелон пришел на пункт сбора. Поразительно, но сотни солдат помыли в огромных душевых буквально за 10 минут. Потом «свеженьких и чистеньких» нас разобрали «покупатели». Я оказался в Белоруссии в г. Старые Дороги в отдельном химическом батальоне Белорусского военного округа. Закончил службу старшим сержантом роты дегазации и дезактивации.

Вернулся со службы в родные Вартемяги в 1959 году. Пошел работать учеником слесаря в механические мастерские Политехнического института. Потом перешел работать на завод станков – автоматов им Свердлова.

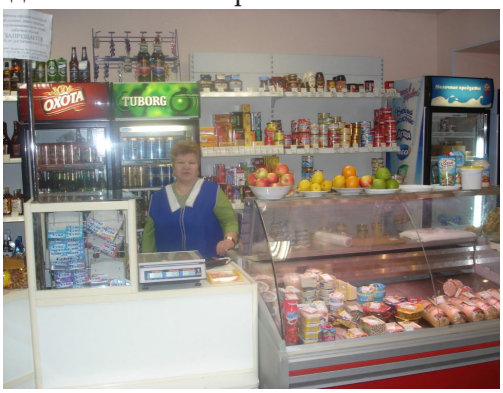
С мая 1960 года работал на заводе «Красный Октябрь». Там мы выпускали различные ракеты, потом вертолетные двигатели, затем двигатели для танков. В 1997 году ушел на пенсию.

В народе ходит легенда, а может быть это и правда, что когда наши земли при Петре вошли в состав России, на них стали «переводить» крепостных из центральных губерний. Касимово – жители из-под волжского Касимова, населенного преимущественно татарами. Вартемяги – основные переселенцы из-под Рыбинска. А название «Барыбинская», «Барыбинский» магазин, по преданию, происходит от радостной встречи вновь прибывших переселенцев из-под Рыбинска. Они встретили своих земляков и закричали: «Ба, да здесь уже есть рыбинские».

В 50-е еще годы Вартемяги делились на Верхние и Нижние Станки. Примерно до Советской площади от Ленинграда – Нижние, а дальше, до Касимово – Верхние. Мой дом стоял и стоит почти у моста на Токсово,

сейчас его адрес – Вартемяги, д. 44. Раньше же писалось п/о Вартемяги, д. Нижние Станки, д. 46.

«Барыбинский» магазин сегодня. Старый, видевший войну, просуществовал примерно до начала 60-х годов. Потом построили типовой ма-



газин, как в Осиновой роще, и Сертолово. В 2007 году прошел капитальный ремонт магазина, и он теперь и внутри, и снаружи не уступает иным «городским», «евроремонтным» магазинам

В магазине есть и свои исторические достопримечательности. На фото за прилавком магазина продавец-ветеран Белая Вера Михайловна. ЕЕ трудовой стаж – 42 года в вартемякской торговле.

8 класс Вартемякской школы. Б.Ф.Филатов второй ряд, крайний справа

1952 год. Учителя Вартемякской неполной средней школы.
В центре снимка Тихомиров Евгений Петрович – первый директор школы
Б.Ф.Филатова

Артемякский Д/К – центр жизни деревень

ОГЛАВЛЕНИЕ